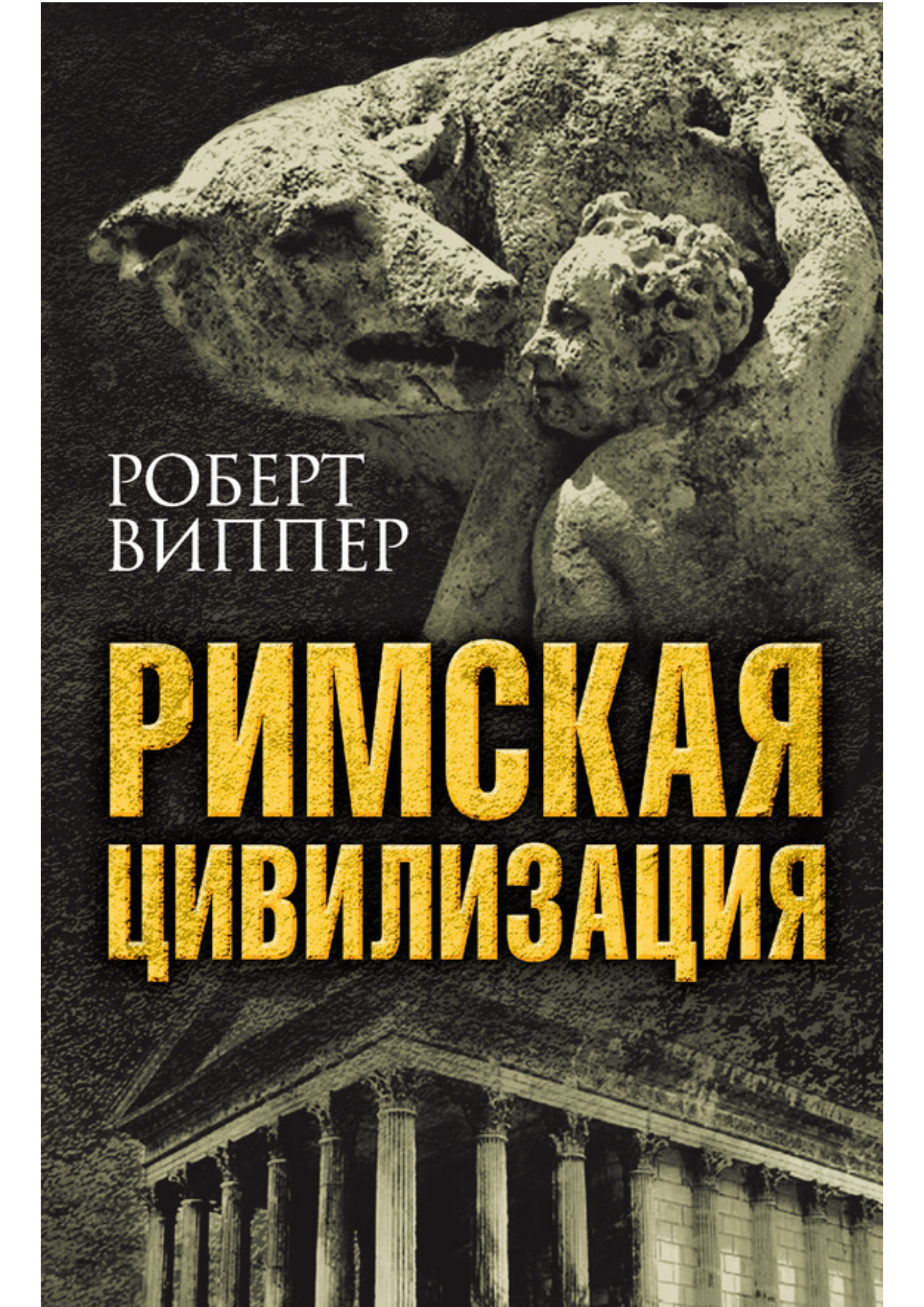

РОБЕРТ
ВИГПЕР

РИМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Величайшие цивилизации мира

Роберт Виппер

Римская цивилизация

«Алгоритм»

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Виппер Р. Ю.

Римская цивилизация / Р. Ю. Виппер — «Алгоритм»,
— (Величайшие цивилизации мира)

ISBN 978-5-906914-02-6

«Едва ли найдется человек, настолько легкомысленный и равнодушный к окружающей жизни, который бы не заинтересовался вопросом о том, какими средствами, какими приемами политики римляне в промежуток менее 53 лет победили почти все страны населенного мира и подчинили их своей единой власти, – факт в истории беспримерный», – отмечал древнегреческий историк Полибий и был прав. Как же зарождалась Римская цивилизация? Как Рим завоевывал Европу и Средиземноморье? Крупнейший отечественный специалист по истории Древнего Рима Роберт Юрьевич Виппер в своем фундаментальном труде «Римская цивилизация» дает широкую панораму древнеримской жизни во всех ее аспектах со времени зарождения Римской цивилизации в V веке до н. э. и до позднейшего периода принципата Августа. Автор подробно описывает условия возникновения великой Римской империи, показывает, почему она стала основой того, что мы сегодня называем западной цивилизацией.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-906914-02-6

© Виппер Р. Ю.
© Алгоритм

Содержание

1. Рим и Италия до образования империи	7
2. Возникновение империализма и начало римской демократии	25
3. Итальянская революция и реакция	51
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Роберт Виппер

Римская цивилизация

© Виппер Р. Ю., наследники, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

1. Рим и Италия до образования империи

Возникновение Римской империи произвело в современном ей культурном мире сильнейшее впечатление. У одного из самых широкообразованных наблюдателей того времени, Полибия, писавшего в 40-х годах II века, когда Рим вступал в новую эру захвата заморских владений, это впечатление отразилось в первых же почти словах его большого исторического труда. «Едва ли найдется, – говорит Полибий, – человек, настолько легкомысленный и равнодушный к окружающей жизни, который бы не заинтересовался вопросом о том, какими средствами, какими приемами политики римляне в промежуток менее 53 лет (считая с конца 2-й Пунической войны) победили почти все страны населенного мира и подчинили их своей единой власти – факт в истории беспрецедентный»¹.

Мы выражаем теперь иначе основной исторический вопрос. Мы спрашиваем: какие социальные мотивы, какие группировки интересов вызвали империализм, какие классы направляли страну на политику расширения, и, наконец, уже какая общественно-политическая организация осуществила этот рост колониального могущества? Но мы также исходим от конечного факта и также ищем объяснения его во всей совокупности условий предшествующей поры. Что нам могут в этом отношении дать античные писатели?

Полибий, воспитавшийся на политической науке греков, на развитом государственном праве Эллады, превосходно знакомый со сложным хозяйством и администрацией эллинистических монархий, был поражен необыкновенно быстрыми и неотразимыми успехами нового государства, в котором центральная община сохраняла патриархальный политический строй, которое было лишено правильных финансов и держалось натуральной повинностью массы мелких и средних землевладельцев, живших раздробленной и автономной жизнью, очень отсталых по культуре и технике. Какими приемами политики римляне достигли господства, в чем секрет государственного и военного строя, создавшего необычайные успехи расширения их державы, – вот что занимало более всего Полибия, и он старался выяснить путем непосредственного изучения особенности устройства Рима и италийского союза. Полибий был при этом глубоко убежден, что нельзя писать историю исключительно по книгам; историки, работающие таким образом, неизбежно лишены ясного понимания явлений, так как оно дается исключительно личными переживаниями.

В виду этих качеств труда Полибия, его необыкновенного интереса к своему сюжету, его умения ясно и определенно ставить вопросы, его чуткости, как наблюдателя, составленный им очерк римской конституции имеет для нас неоценимое значение. Ведь мы не располагаем никаким другим описанием старого Рима эпохи до образования империи. Характеристика Полибия – самое старинное свидетельство об этом скоро вполне забытом и исчезнувшем политическом образе. Все последующие попытки реставрировать картину древнего патриархального Рима, нарисовать старые сословия патрициев и плебеев, представить выработку конструкции из медленной и упорной борьбы между ними, принадлежат уже времени конца республики, следовательно, стоят по другую сторону большого кризиса, созданного империализмом: эти научные, государственно-правовые и социально-исторические реставрации возникли в то время, когда совершенно изменился состав и облик общества, после того как прошел недолгий, но сильный подъем римской демократии, а затем крутая реакция сулланского времени. В борьбе партий за это шестидесятилетие (135–75) глубоко изменились учреждения и ослабели, если не исчезли вовсе традиции старого строя.

Можно различно смотреть на развитие римской анналистики, можно считать очень старинными официальные записи жрецов и фамильные традиции в родах нобилей – и все

¹ Polyb., I, 1.

же трудно отрицать, что собственно политическое содержание очень поздно вошло в обработку римской истории. Ранние исторические писатели и составители светских летописей во II веке мало умели рассказать о столкновении патрициев и плебеев, о борьбе за землю, за равенство прав и т. д. Лишь позднейшие авторы обстоятельных литературно обработанных летописей I века внесли в изображение старины характеристики классов и партий, политических вождей, аграрных и конституционных проектов. Они вели на почве исторических построений римского прошлого принципиальную борьбу за учреждения и реформы конца республики, и их разногласия и споры мы ясно чувствуем при чтении Ливия. Благодаря своей компилятивной манере, мозаически складывающей отрывки, иногда резко противоречивые, Ливий представляет как бы свод ближайшей к нему историографии. В его изложении борьбы патрициев и плебеев постоянно мелькают программы и жгучие вопросы последнего века республики, развиваются политические и социальные теории партий этого времени; приводимые Ливием тексты законов, отнесенных на 400–300 лет назад, в V–IV веке до Р.Х., похожи, скорее всего, на формулы, которые составлены публицистами, государствоведами, антиквариями конца республики на основании общих исторических представлений о ходе конституционного развития, но без всякой опоры в каких-либо подлинных записях.

Если мы хотим открыть работу этого политико-юридического творчества в живом еще незаконченном виде, надо обратиться к Цицерону, и мы застанем его среди больших затруднений: как произошла власть старых консулов, диктатора, трибунов, откуда идет название патрициев, могло ли состояться решение народа без предварительного одобрения «отцов», — это и многое другое было так неясно, что Цицерон должен был вычитывать смысл сохранившихся терминов в них самих, толковать слова и названия, цепляться за обычаи, которые казались архаическими; а главное, он должен был складывать заново целую композицию о старинном строе на основании своих общих партийных политико-теоретических и политико-философских представлений. Цицерону казалось, что он постиг «дух старины», этот исконный обычай, державшийся веками и так близко подходивший к естественному разумному порядку вещей. Обычай старины, конечно, очень близко подходил к идеалу политического деятеля, во вторую половину жизни ставшего решительным консерваторм: по его мнению, для того, чтобы быть прочным и устойчивым, государство и общество должны сохранять иерархическое строение, в котором господствует опека и покровительство, а низшие классы преклоняются перед высшими и отдаются в их волю; таково именно и было устройство старинного Рима.

Цицероновские идеи и манера ярко отразились в исторической компиляции Ливия, именно там, где он сделал обширные заимствования из историка Туберона, человека и лично, и по своим симпатиям близкого к Цицерону. У Ливия видна также работа другого современника Цицерона, Теренция Варрона, крупнейшего антиквария конца республики. Варрон не имел в распоряжении другого материала; он также должен был восходить от переживаний к проблематичной старине. Когда он, например, рассуждает о полезности деления исполнительной власти между двумя сановниками с равным и независимым авторитетом и отсюда выводит, что римляне должны были установить двойное консульство непосредственно за изгнанием тирана-царя в виде гарантии свободы, мы чувствуем ясно, что эти соображения навеяны партийными вопросами о постановке верховной власти в эпоху Красса и Помпея, Помпея и Цезаря, когда надеялись спасти республику уравниванием двух могущественных властителей.

У Цицерона, Туберона и Варрона были теоретические предшественники, которые в свое время, в 80-х годах, своей ученой аргументацией поддерживали сулланскую реакцию в пользу аристократии, доказывая новизну и революционное происхождение демократических идей и учреждений. Моложе этих родоначальников ученого консерватизма, но несколько старше Варрона и Цицерона был тот талантливый и пламенный историк-демократ

– вероятно Лициний Макр, – которому принадлежат горячие страницы у Ливия о страданиях плебеев, о великой выдержке и пассивном героизме римского народа, о его самоотверженных и умных вождях трибунах, добившихся земли и воли, крестьянских наделов, равенства прав и личной неприкосновенности для простого люда. Эта история Рима с точки зрения радикального деятеля, написанная, по-видимому, в конце 70-х или начале 60-х годов I века, была, может быть, первой апологией партийной политики, составленной в исторических красках, и первой попыткой изобразить конституционную эволюцию Рима в виде борьбы классов. Проникнутая пессимизмом, она отражает настроение времени, в ней ясно чувствуется разгром демократии, произведенный Суллою, трагические звуки, вызванные сознанием непоправимой потери, которую понесла народная партия.

На первый взгляд можно отчаяться найти в этих конституционно-археологических и социально-полюемических работах какие-либо данные для восстановления подлинной политической истории римской старины. Значение полибиевской характеристики, как будто бы еще более вырастает от сравнения с позднейшими римлянами. Но при ближайшем знакомстве с очерком Полибия нас охватывает некоторое разочарование. Это не простое описание политической машины и политических нравов, сделанное реалистом-наблюдателем, каким себя считает сам Полибий. Это – идеальная схема греческой теории наилучшего государства, иллюстрированная некоторыми чертами римского строя. Историк, приступая к изучению этого строя, уже знал наперед его секрет: тут должен открыться земной рай политики; конституционная утопия осуществилась у этих полуварваров; у них гармонически соединены три основных элемента всякой государственности, принципы монархии, аристократии и демократии; они разумно отмерены, приведены в правильное взаимодействие и уравновешены; ни одному из них не дано слишком много, ни монархическому принципу в лице двух сменяющихся консулов (здесь принципиальная натяжка со стороны Полибия очевидна), ни аристократическому, представленному сенатом, ни демократическому, выражающемуся в народных собраниях.

В описании Полибия есть отдельные черты, в высокой мере ценные, и к ним мы еще вернемся. Но в целом оно вместо того, чтобы объяснять, заслоняет основные факты радужным сиянием: точно какой-то гений-художник или сам Бог сложил здесь из элементов общезжития совершеннейшее произведение искусства, в котором нельзя ничего ни убавить, ни прибавить. Сановники, сенат и народ римский, это уже не живые люди, борющиеся за противоположные интересы, а послушные высшему принципу дисциплинированные стихии. Но если в 40-х годах II века в Риме было такое удивительное равновесие сил и согласие общественных начал, то как же объяснить, что в следующем десятилетии, в 30-х годах, обнаруживается по поводу проектов Гракха жестокий разлад, а затем этот разлад не только не прекращается, но принимает все более широкие размеры, превращаясь из римского кризиса в общеталийский, причем в социальной борьбе разрушается и порядок, сложенный, по-видимому, столь искусно и прочно? Очевидно, рисуя свою политическую идиллию, не подозревая о приближающейся буре, Полибий совершенно не замечал элементов розни, противоположности интересов в римском и италийском обществе; реалист по убеждению, он увлекся идеологией и забыл, что государство – не дар богов, а комбинация сложных колеблющихся общественных отношений.

Римские историки, писавшие во время и после кризиса, гораздо дальше отстоявшие от старины, однако несравненно сильнее чувствовали, что и там, в туманной дали времен, надо предполагать борьбу общественных групп, различие политических влечений, столкновение программ и тактики партий и классов. Им казалось, что партии империалистической республики должны быть продолжением группировок республики патриархальной, маленького кантона, разраставшегося медленно в союз общин и, наконец, в крупную державу.

Историк-демократ I века говорит нам, что с самого начала республики патриции и плебеи были самостоятельно организованы, что они никогда не были согласны между собою: во внешней политике одни стояли за непрерывную войну, другие тяготились бесконечной службой, разорявшей их хозяйство; во внутренних делах оспаривалась всякая позиция: раздел захваченных земель, занятие должностей, общественный кредит, вопрос о личной неприкосновенности граждан и свободе слова, – все было предметом упорных схваток, всякий компромисс достигался великими усилиями и служил только началом нового спора.

Историку-консерватору многое не нравилось в гневных речах и обличениях своего радикального предшественника Он спешил поправить тяжелое впечатление от пессимистической картины старинного Рима. Вражда классов, по его мнению, была делом, главным образом, тщеславных вождей, упрямых агитаторов; и патриции, и плебеи шли по временам за крайними правыми и крайними левыми, но в лучшие моменты политической жизни брали вверх здравые идеи середины, и тогда получалось единственно спасительное согласие интересов. Сурова была политическая дисциплина, заведенная в старой республике патрициями, но она была нужна, чтобы сплотить неорганизованную массу эмигрантов и мужиков, из которой составилась народ в Древнем Риме. И, однако, консервативный историк должен признать, что плебеи очень скоро образовали самостоятельное целое, что уже через 17 лет после основания республики они способны были уйти из Рима, чтобы образовать особую общину, что они помирились лишь на условии, если им дадут выбирать своих особых начальников, трибунов: угроза выхода и образования своей общины постоянно висела над патрицианским Римом.

Снова и снова мы встречаемся с этим упорным историческим представлением римлян, что на почве старой республики устроились две разные общины, видимо, очень нужные друг для друга, но в то же время имевшие очень различные интересы. Историки конца республики уже не могли ясно представить себе и нарисовать облик этих общин, их состав и устройство. Они изображали союз соперников в виде одной общины, состоящей из двух классов, двух общественных типов, двух морально-политических характеров. Они чувствовали в старом Риме еще одну противоположность – города и деревни. Правда, все политические дебаты, все колебания партийной тактики, все смуты и протесты происходят в стенах города, авторитет трибунов не имеет силы за городской чертой; в городе собирается сенатская коллегия, ведущая знаменитую своей цепкостью и предусмотрительностью дипломатию. Но в то же время масса населения живет в деревне, и там коренятся ее интересы; не только крестьяне-плебеи, но и патриции, будучи вне политики, держатся в своих имениях, уходят в сельское хозяйство. Тут остается что-то неразъясненное, но историки держатся крепко за это различие городских и сельских дел и интересов.

Что мы могли бы извлечь из этих смутных, но неизменно повторяющихся указаний римской историографии?

Старый Рим, несомненно, был торговой общиной, главным или единственным портом Лация, находившимся издавна в сношениях с греками Южной Италии и Сицилии, а также с карфагенянами. Но какую роль в этом коммерческом Риме с его заморской политикой играли аграрные элементы? Каким образом традиция превратила правителей старой торговой общины в патрициев-землевладельцев? Новые историки различно пытались выйти из затруднения. Одни представляли крестьян, плебеев клиентами, крепостными городских крупных владетельных домов, постепенно выходящими на свободу, другие готовы были различать два периода: первоначальный торговый и позднейший аграрный. Но, может быть, с самого начала обе силы, обе группы стоят наравне и образуют союз между собою. Близкий к морскому выходу город пытался монополизировать торговлю всей округи и в то же время воспользоваться тем военным материалом, который давали ближние горные общины.

Это явление повторялось чуть ли не на всех берегах западной части Средиземного моря с тех пор, как его открыли финикийские и греческие колонисты. Сам Карфаген, сицилийские города, города Кампании, Этрурии, греческая Марсель, вероятно, также иберский Сагунт, все они, становясь центрами ввоза и вывоза, должны были искать комбинации с племенами соседних внутренних областей, нанимать их на службу или обеспечивать себе их помощь договорами. В Апеннинах Средней и Южной Италии размножающееся крестьянство, не будучи в состоянии кормиться со своих наделов, рано стало высылать младших детей в колонии и в стороннюю службу. Безнадельные охотно нанимались в войска к африканцам, к грекам сицилийским и итальянским; во внутренней Италии образовался большой рынок военных наемников. С конца V в. и в первые десятилетия IV особенно гремела в Сицилии слава кампанцев, т. е. захвативших Кампанию самнитов. Они были наняты сначала для помощи афинянам против Сиракуз. Позднее сиракузский тиран Дионисий применял кампанцев против Карфагена. Многие из них погибали в боях за чужое дело, но иные добивались награды в виде земельных наделов на чужбине, иногда за счет экспроприации туземных граждан, как это не раз происходило в Сицилии. Таким образом, эти крестьянские дети обращались в свое первоначальное звание; устроенные сплошными поселками в Катане у Этны, чтобы служить опорой сиракузским тиранам, они представляли подобие тех *coloniae agrariae*, которое устраивало потом римское правительство в завоеванных областях для расстановки гарнизонов и обеспечения безнадельных плебеев.

То, что представляли в смысле военного элемента луканы и самниты для городов Южной Италии и Сицилии, тем были латины, сабины, умбры для городов Средней Италии и для Рима, Цере, Вей и др. Старый Рим, может быть, был соединением торговой монополии городской общины на нижнем Тибре с военными силами деревенских союзов на склонах среднеапеннинских возвышенностей.

Правительство его составлялось из сената, т. е. старших представителей городских семей (буквально «градских старцев»), из военных капитанов и казначеев, принадлежавших к среде богатых торговых домов города. Римские военные предводители имели право набирать солдат в сельских округах из плебеев, т. е. преимущественно мелких землевладельцев. Стянутые в войско, разделенные на классы по видам оружия и отсчитанные центуриями, сотнями, они становились под команду городского начальника. Главный командир похода (диктатор) назначался военным штабом, консулами; но второстепенных капитанов, консулов и преторов выбирало само войско, выбирали все центурии. От этого порядка и остались впоследствии главные комиции, где происходили выборы и утверждались решения сената о войне и мире. По некоторым обычаям позднейшего времени можно судить, что старинные комиции были собранием призывных солдат. Еще в эпоху Югуртинской войны в конце II в., когда уже вполне утвердился порядок продолжительной и непрерывной службы в провинциях, римское выборное народное собрание проходит под давлением войска, хотя солдаты отделены от Рима морем и африканскими степями, однако, будучи крайне заинтересованы в выборе консула, т. е. своего начальника и желая провести в главнокомандующие популярного среди них Мария, они из своего лагеря в Нумидии пишут в Рим, как бы вручают мандат своим заместителям на комициях, и этим способом проводят своего кандидата.

Помимо этих собраний призывных ополчений, у плебеев, у сельского населения была и осталась своя особая жизнь и автономия. Они сохранили свое старое деление на волости, может быть, отвечавшие вначале племенным группам. По типу сельских волостей и для соединения с ними, может быть, потом разделили на трибы и горожан: трибы сходились на особые собрания для решения своих дел, выбирали своих начальников, трибунов, для администрации и суда в своей среде. Греческие историки называют трибунов демархами, следовательно, находят в них сходство с сельскими старшинами своих общин, например, Аттики.

Описание Полибия еще дает почувствовать, что в лице трибунов первоначально являлись в Рим представители чужих, отдельно управляемых общин; греческий историк считает нужным отметить, что трибуны не подчинены консулам, хотя в руках последних сосредоточена исполнительная власть. Трибуны могли также, по-видимому, объявить от имени представляемых ими общин отказ идти на войну или допускать набор; таков, может быть, был первоначальный вид и смысл наложения трибунского veto на распоряжения сената и консулов. Следы самостоятельности плебейских внеримских общин, вероятно, надо видеть и в плебейских трибут-комициях: они созываются и ведутся трибунами, они отличаются от более парадных, но лишенных активности собраний по центуриям своей большей подвижностью, допущением дебатов и свободы слова, вследствие чего в трибут-комиции и вносятся наиболее важные для плебса аграрные предложения. Еще любопытная черта: собранный по трибам народ мог судить городских капитанов, которые были его командирами на войне. Осужденный таким приговором мог уклониться от наказания, избравши своей долей изгнание, подчинившись своего рода остракизму; он отправлялся недалеко в одну из союзных территорий Италии.

Но, как бы ни были деятельны старые сходки по волостям, из которых, надо полагать, возникли собрания всех триб, собиравшийся в Риме сельский люд не играл большой политической роли в самой столице. Благодаря способу подачи голосов, не поголовному, а по трибам, можно было, вероятно, немногим представителям отдаленной трибы привезти с собою коллективный голос, т. е. готовое решение своей волости. Цицерон упоминает однажды, что в трибах голосуют немногие единичные граждане. Обыкновенно в этом факте видят надвигающийся упадок народных собраний и республики вообще. Но таков мог быть как раз обычный порядок прежних ранних времен. Наоборот, когда мы слышим, что трибуны со времени Гракхов организуют особую систему массового вызова в Рим сельских избирателей для важных голосований, можно считать эту форму недавно возникшим приемом демократии, чертой поздней в римской политической практике.

Еще менее активности проявляли старые центуриат-комиции. Можно представить себе, что такое были выборы консулов или преторов: выбирали того капитана или тех капитанов, которые задумали, иногда на свой риск, как Регул в 256 г., Фламиний в 224 г., Сципион в 206 г., какое-либо внешнее предприятие; кандидат развивал его ожидаемые выгоды, давал обещания наград и выдач, а собрание, наполовину, по крайней мере, состоявшее из служивших уже раньше солдат, провозглашало его вождем на будущий год, т. е. на предстоящее предприятие, поход, осаду, захват земли, заморскую кампанию, в то же время и силою того же решения оно записывалось в набор и разрешало дополнительный набор с деревень, в которых уже выросло новое поколение.

Едва ли правильно представлять себе старинных римских консулов империалистической эпохи в виде ограниченных серых городских голов, которым приходилось по временам, не мудрствуя лукаво, водить мужицкие ополчения на врага. Наоборот, по всей вероятности, издавна Рим выставял искусных техников военного дела, самостоятельных предпринимателей и политиков, которые умели сами задумать поход, снарядить экспедицию и нередко выполняли ее на свой страх. В этом отношении Рим III в. не так далеко ушел от своего торгового и военного соперника Карфагена. Напрасно представляли одно государство живущим в замкнутом аграрном быту, с крепким ополчением, другое – богатым финансами, но предоставленным защите наемников; напрасно изображали на одной стороне безответных, подчиненных суровой дисциплине коллегии исполнительных чиновников, на другой – почти оторванных от государственной политики центра смелых кондотьеров, которые превращаются благодаря колониальным завоеваниям в самостоятельных князей. Между Регулом и Гамилькаром, между Сципионом Африканским и Ганнибалом, между политикой Сципионов вообще и политикой фамилии карфагенских Барка гораздо больше сходства, чем раз-

личия. И Рим, и Карфаген в эпоху борьбы за торговую монополию в западной части Средиземного моря и за колонизацию полуварварских земель, составляющих край Европы и Африки, выставляли дальновидных конквистадоров. Центральное правительство большею частью поддерживало их в случае удачи, не покидало на произвол судьбы при неуспехе; во всяком случае, им приходилось предоставлять большой простор не только в стратегических операциях, но и в дипломатических сношениях с новыми врагами или союзниками.

Так можно объяснить себе и странный на первый взгляд обычай римского сената выдавать консула, потерпевшего неудачу, врагу. Какова бы ни была цена легенды о консулах запертого в Кавдинском ущелье войска, согласившихся на позорную его сдачу и за то выданных самнитам, но налицо факт несомненный, исторический: сенат отдал нумантинцам в Испании консула Манцина, сдавшегося на капитуляцию и заключившего невыгодный договор с врагом; это было лишь запоздалым объявлением со стороны правящей коллегии, что она считает все предприятия одного из своих сочленов его частным делом; при удаче она, разумеется, присоединилась бы к его инициативе и разделила с ним добычу.

Развитие кондотьерства, преобладание конквистадоров, важная роль частного предприятия – все это нисколько не отнимает у римской политики элемента настойчивого постоянства. Две группы интересов идут параллельно и в союзе между собою. Если нам трудно доказать истинность этой двойной политики историческими свидетельствами, то мы можем прибегнуть к помощи географической карты. Расположение известной территории, ее конфигурация, движение завоевательной полосы говорят очень много; это своего рода археологические документы, это сама история, отложившаяся в плоскости в живописной перспективе.

Вглядимся внимательно в расположение непосредственных владений Рима, а также его старых и новых союзников, в последовательные моменты истории Италии с исхода IV в. и до окончательной формации италийского союза во II в. Первая карта изображает Италию так называемых самнитских войн, т. е. первого крупного расширения старого союза, во главе которого стоял Рим. Римская территория и земли старинных союзников лежат почти сплошной полосой вдоль моря по обе стороны Рима и реки Тибра. На этой линии равнин, следующей за берегом, бросается в глаза обилие приморских поселков, по большей части вновь основанных римлянами после завоевания, на отнятой территории; это – результат морской торговой политики Рима, которая исходя от скромного начала, проводила в размерах все более широких монопольные цели. Часть берега на юге отрезает от моря самнитов и оттесняет их в горы. Но, расширяя свои владения, община на Тибре нуждалась в более широком круге союзников, поставщиков военной подмоги: она заставила войти в союз с собою всю группу народов, сидевших в Апеннинах, позади вновь приобретенной приморской территории, сабинов, марсов, пелигнов, френтан и самих самнитов, своих ослабленных соперников.

Приглядимся теперь к политической карте Италии лет 40 спустя, перед началом 1-й Пунической войны, в 60-х годах III века, когда Рим уже распоряжался силами большого союза всей Средней и Южной Италии. Сравнивая эту карту с предшествующей, мы замечаем значительное расширение римской территории. К приморской западной полосе присоединилась другая, под прямым к ней углом; она идет от Рима через Апеннины поперек полуострова к Адриатике. Эта полоса лежит памятным свидетельством другой завоевательной программы, именно движения деревенских союзов, входящих в римскую общину. Ближние горцы, сабины, приняты в римское гражданство, но должны были уступить часть своей земли римлянам, и прежний сабинский агег теперь составляет часть римского; также на чужой территории нарезаны наделы новым колонистам из римских крестьян и более верных союзников, так называемых латинов. Особенно при этом пострадали пиценты и сенонские галлы на берегу Адриатического моря; по их почти сплошь занятым областям римская заво-

евательная линия переходит с западного склона Апеннин на восточный и приближается к широкой равнине реки По. К союзу примкнули новые малые народы – на севере этруски и умбры, на юге – луканы, салленты, бруттийцы и греческие колонии; но эти группы изолированы, отрезаны друг от друга территорией господствующей общины. На примере самнитов можно видеть характерные приемы этой римской политики, старавшейся ослабить большую племенную группу мозаичными вырезками из ее территории, отнятием у нее берега, разложением ее на мелкие союзы. От старого Самния отделены большие доли в *ager romanus*, затем на устройство латинских колоний, и, наконец, от него выделен в особый союз малый народ гирпинов; благодаря всему этому область самнитов уменьшилась втрое против прежнего.

Возьмем еще один момент, 60–70 лет спустя, и присмотримся к карте Италии в начале II века после нашествия Ганнибала и нового расширения римской территории, в значительной мере за счет союзников. К старому почти сплошному *ager romanus* теперь примыкают в Северной и Южной Италии более или менее оторванные клочки. Расположение этих отрезанных кусков и долей римской территории открывает нам возможность изучить те же самые две задачи старинной римской политики. От Рима, к самым отдаленным частям *agri romani* и пересекая более ближние на пути, идут большие военные дороги римлян; это бывшие этапы римских походов, ставшие потом предохранительными линиями сообщения центра с завоеванными областями, с дальними колониями и гарнизонами; на тех же дорогах расположены и латинские колонии, т. е. новые поселения привилегированных, наиболее надежных союзников; и римская и латинская колонии в то же время образуют крепости.

Вследствие особенности строения полуострова римская дорога, а вместе с тем и завоевательные полосы имеют лишь два направления: на северо-запад к галльским областям и на юго-восток к Кампании, Лукании и греческим колониям. Первая линия показывает путь плебейских военно-крестьянских наделов. *Coloniae agrariae* римлян примыкают здесь цепью к старой территории, образуют ее продолжение в инородческой земле. Вторая линия распространяется вдоль берега западного моря, отрезает от морских сношений несколько групп союзников и переходит потом к самому краю полуострова на восточную сторону, для того, чтобы обеспечить Риму сношения с Грецией и Азией. На севере в галльских областях римские колонисты сидят среди населения, близкого к ним по быту и хозяйству; это – большие земледельческие районы. На юге продолжаются *coloniae maritimae*, систематически захватываемые выступы, доминирующие пункты и бухты; они также находятся среди населения, живущего теми же промыслами и в сходных формах быта; по соседству с ними помещаются *socii navales*, греки и бруттийцы, вносящие важную составную часть в крупные римские флоты Пунических войн. Помимо береговой линии, и здесь захвачены территории, пригодные для земледельческой обработки.

Географическая карта II века держит нам в памяти историю, по крайней мере, двух или, может быть, трех веков, приблизительно до 100 г., начиная с 350-го до 400-го. Все это время политика Рима идет в двух направлениях. Без сомнения, были колебания, когда брала верх морская программа монополии, захвата берегов, приобретения островов, как опорных пунктов, или когда, напротив, преобладало занятие хлебобордных территорий.

Фламиний, первый вождь демократии, по определению Полибия, представляет своими популярными галльскими походами, раздачей земель в равнине р. По и проведением первой большой дороги на север резкую реакцию предшествующей политике Рима в первую Пуническую войну, всей этой трате сил на огромные флоты, на рискованные экспедиции в Африку, Сицилию, Сардинию и Корсику. Но, в свою очередь, когда римская община в 264 г. при объявлении первой войны Карфагену решила идти на море, это вовсе не было внезапным первым выходом из будто бы традиционной замкнутой сферы на путь дальних и неизвестных предприятий. В этом решении не было драматической смены вековой поли-

тики. Правящие фамилии в торговом Риме задолго до этого момента внимательно следили за отношениями сил в Западном море. Лет за 100 до столкновения с Карфагеном они пытались завести колонии на Корсике и Сардинии. Острова эти в свою очередь были очень важны для африканской торговой державы: они служили естественной опорой в сношениях с северными берегами западного моря, передаточным пунктом в переездах из Италии к Испании; их население составляло материал для вербовки наемников; они производили важные продукты, Корсика доставляла превосходный лес для постройки кораблей, Сардиния – хлеб. На этой почве уже существовало старое соперничество Рима и Карфагена. Оно отражается и в колебании условий торговых договоров между двумя республиками. Сначала африканцы позволили римлянам в известных, строго установленных формах торговать в Сардинии. Но в договоре половины IV в. Карфаген настоял на запрещении римлянам всякой торговли в Сардинии: особо было выговорено, чтобы Рим не основывал никаких поселений на острове.

Как нельзя более характерны для Рима и эти старинные торговые договоры, восходящие к началу V в., за 250 лет до начала первой Пунической войны. В них отражается главный интерес, главная забота правящей общины на нижнем Тибре.

Это коммерческое прошлое Рима затуманено, стерто в позднейшей традиции. Она изображает нам земледельческий край, суровую деревенскую простоту, заслуженного Цинцинната, которого отрывают от плуга, чтобы поставить командиром в опасный поход, и т. д. Особенно трудно заставить себя думать, что старые патриции, что предки римских нобилей, позднейших лендлордов Италии и Африки, были негоциантами, коммерческими предпринимателями, судовладельцами, каперами. Но ведь и нобили Венеции XV и XVI в. уже не были коммерсантами, а располагали большими поместьями на *terra ferma* и отдавались лишь высшей политике; однако они наследовали коммерческим завоевателям и посредникам торгового транзита предшествующих веков. Отчего бы и старым римским патрициям не быть монополистами торговли Лация и Сабины, отчего мы не вправе представлять себе старые *gentes* в виде больших купеческих домов? Еще до первой Пунической войны должен был чувствоваться этот элемент во всем складе высшего общественного слоя: едва ли римские адмиралы, которые с таким успехом разбивали флоты первой морской державы того времени, могли выходить из среды земледельцев, никогда не видавших моря и отдававших судьбу своих кораблей в распоряжение стихий и несогласованных, но храбрых усилий своего экипажа? Странная басня об этой римской добродетели и дельности, превозмогавшей или делавшей ненужною всякую технику, специальную выучку и опыт. Не вернее ли будет в консулах Пунической войны предположить испытанных капитанов, прошедших основательную морскую школу, которая в свою очередь приобретает лишь в среде торговых странствователей, купцов и пиратов, рыболовов, перевозчиков груза, искателей новых морских путей?

Впоследствии преуспевающие общественные слои, господствующие фамилии, конечно, уйдут от непосредственного приложения своих рук к промышленному делу. Они оставят за собой общее руководство, они начнут жить высшей политикой. Из их среды, однако, и потом еще продолжают выходить капитаны-конквистадоры, организаторы новых предприятий на более широкую ногу: поход, экспедиция при удаче есть прежде всего большая добыча, крупный барыш; еще больше выгоды обещает основание заморской колонии. Но непосредственные торговые обороты отдельных фирм с расширением государственной сферы превращаются для правящих фамилий в общую коммерческую политику сената, большой коллегии, соединяющей представителей всего верхнего общественного слоя. Полибий отмечает, что господствующий момент в деятельности сената – финансы и дипломатия, а дипломатия, в свою очередь, сводится к коммерческим трактатам и торговым войнам, в которых опять выступают предприниматели *en grand* из той же знати. Детали торговли, размельченная работа, постройка судов, плавание по морям транспортом, разработка новых промышленных богатств и угодий постепенно переходят ко второму разряду

гражданства, менее сильному капиталом, вследствие этого зависящему от капитала высшего класса, который пускает его в оборот посредственно, отдает в кредит. Так слагается класс откупщиков государственных налогов и аренд, негоциаторов, менял и ссудчиков. Между тем высший слой загораживает себя стеной сословной чести, объявляет политику и общественную службу своим специальным ремеслом и запрещает своим сочленам мелкую работу торговли и судостроительства в качестве недостойной их звания; но уже одно это запрещает показывать, как усиленно они раньше отдавались тем же занятиям. Представители римского нобилитета обращаются к той стихии, которая у аристократии всех времен считалась самой возвышенной и почетной, к владению землей, причем скоро прибавляется и важное хозяйственное побуждение для разработки земельных угодий – дешевые привозные рабы, создаваемые тем же ходом непрерывных завоеваний. Если нам представляется, что политика Рима издавна шла двумя путями и отличалась большой последовательностью и настойчивостью, то в ее истории все же можно различить периоды роста. В середине IV в. до Р.Х. в Западном море, помимо Карфагена, самой крупной морской силы, и сильно ею теснимых сицилийских греков, выступают несколько торговых общин и союзов, соперничающих между собой, в их числе Рим. Община на Тибре берет верх над этрусками и над Капуей в Кампании, потому что располагает наибольшими или наилучшими массами ополчений из плебейских триб. Но войны заставляют Рим расширить свою территорию и раздвинуть первоначальный союз: надо увеличивать надель, вознаграждать из захваченной земли солдат, – вот основание для *coloniae agrariae*; с другой стороны, для охраны своей удлиняющейся береговой линии, для вновь появляющегося флота, вообще для поддержания своего более крупного политического положения, нужно увеличивать число обязанных военной службой союзников.

Как известно, общего союза из италийских народов не составилось. Они все были индивидуально связаны с Римом отдельными договорами и не имели никаких взаимных условий и сношений между собою. Союзы Рима с различными *socii* слагались, вероятно, по типу старинного союза торговой патрицианской общины Рима и плебейских деревень. Но чем дальше от центра, чем позже возникновение союзных связей, тем менее у союзника прав на участие в политике центра, тем менее выгод для союзника. Старый союз остался привилегированной группой 35 триб; к их числу уже не прибавляли новых; группы вновь приписанных в гражданство заносились в старые трибы, и вследствие этого трибы из волостей обратились в разряды голосующих граждан, объединявшихся только в Риме на собраниях. Уже на римской территории начиналось ограничение прав, прежде всего для общин, лишенных активного и пассивного избирательного права. Затем союзники располагались по двум ступеням: впереди стояли привилегированные латинские города, в сущности, союзные крепости, рассеянные в разных местах, с лучшими наделами, частью нарезанными из отобранной земли; дальше остальная масса, *socii italici*, сохранившие автономию, но не получившие земельного придатка.

В таком виде общеиталийский союз – если только не забывать условного значения этого термина – держался около полувека, с 60-х годов III в. до 216 г., когда Ганнибал склонил часть союзников к отпадению. Опираясь на силы всего союза, Рим предпринял большую первую войну с Карфагеном, в результате которой приобрел три больших острова Западного моря. Но вторая война с Карфагеном – поединок на жизнь и смерть, внесла глубокое изменение в строй италийского союза. Часть союзников изменила, и вследствие этого Рим пережил опаснейший кризис своего существования. Зато вместе с победой в 201 г., центральная община, получив крупнейшую контрибуцию, увеличив свои заморские владения, приобрела небывалый перевес над всеми союзниками, вместе взятыми. Рим поспешил воспользоваться этим перевесом. Он наказал отпавших во время войны с Ганнибалом южных союзников, гирпинов, луканов, бутгайцев, апулийцев, города Тарент и Фурии, отобранием значительной части их территорий. Согласно вычислению Белоха, область римских владений увеличилась

с 490 кв. километров до 675, т. е. более чем на $\frac{2}{5}$ прежнего протяжения. В это время и возникает своеобразная массовая конфискация земли у изменивших союзников, которая ведет к образованию земельного фонда под названием *ager publicus*.

Как была использована эта отобранная земля? И старое гражданство, и верные союзники, без сомнения, заслуживали самого крупного вознаграждения в смысле наделов, так как они несли со времени вступления Ганнибала в Италию в 218 г. до крайности напряженную воинскую повинность, да и после его ухода долгие годы не останавливались заморские войны: до 192 г., т. е. до столкновения с Антиохом Сирийским, непрерывно следовали кампании и экспедиции в самой Италии, в Испании, Сицилии, Африке, Македонии, Малой Азии. По старому обычаю отобранные земли должны были бы идти на устройство земледельческих колоний в виде крестьянских наделов, может быть, в размере 30 югеров ($7\frac{1}{2}$ десятин), судя по тому, что Тиберий Гракх остановился потом на этом размере. Так поступили еще перед самой войной с Ганнибалом по настоянию популярного консула Фламиния, который заложил и дорогу из Рима поперек Апеннин в Пицен и к галльскому берегу Адриатики, где были нарезаны новые наделы римских колонистов. Но теперь так устроили только заслуженных ветеранов африканского похода, вернувшихся в 200 г. вместе с прославленным победителем Ганнибалом и Карфагена, П. Сципионом: им отвели участки из земли, отобранной у апулийцев и самнитов. Другие земледельческие колонии двадцатипятилетия, следующего за второй Пунической войной (200–175 гг.), были устроены далеко от центра, за северными Апеннинскими на равнине р. По, среди галльского населения. На юге же ограничились только возведением нескольких приморских крепостей, в которых посадили немногих римских и латинских колонистов.

Руководящие слои центральной общины решили иначе использовать конфискованные земли, поступившие в распоряжение государства. Большая их часть представляла после войны пустыри или разоренные дворы: для устройства колонистов-крестьян потребовались бы выдачи из казны на постройки, обзаведение. Правящий класс вовсе не склонен был к таким тратам и открыл простор частному предпринятию: желающим предоставили вступать в разработку пустующей земли с условием ежегодно вносить казне десятину с посевов, пятину с посадок и сбор с числа голов скота, выгоняемых на пастбища. С самого начала было ясно, конечно, что мелкие пользователи должны будут устраниваться от оккупации государственной земли, что воспользоваться ею могут лишь те, у кого имеется преимущество свободного капитала. Без сомнения, именно в это время должно было оказаться очень много безземельных; прежде всего в таком положении были те союзники, у которых конфисковали земли, которым не дали вернуться в свои прежние разоренные дворы. Далекие от мысли устраивать их где-либо в качестве земельных собственников, правящие слои Рима, в этот момент своего обращения к сельскому хозяйству, видели в невольной и внезапно созданных сельских рабочих новый шанс для выгоды своих оккупации: у них будут в достаточном количестве хорошие местные батраки, так как итальянский народ очень плодovit и способен к терпеливой работе.

Поэтому в оккупацию государственной земли вступали преимущественно римские нобили, между ними и впереди всех те самые Сципионы, Квинции, Эмилии, Метеллы, Домиции и другие, которые обогатились заморскими походами и командованиями; у них был теперь еще один лишний ресурс – дешевый живой инвентарь для вновь устраиваемых имений, привозные рабы в качестве результата завоеваний.

И второй имущественный разряд, всадники, был также припущен к пользованию казенной землей, люди чисто городских и торговых профессий, негоциаторы, факторы, менялы и ссудчики по профессии, они не добивались до самого хозяйства в имениях; но они теснились на торгах, производимых римским цензором, управителем государственных имуществ, к получению больших аренд. Сдавались в аренду, между прочим, солеварни, леса;

в больших лесах по Силайскому хребту в Бруттии на откуп были обширные дегтярные заводы. Вероятно, бралась в крупную аренду и полевая земля. Впоследствии, особенно в африканских больших поместьях, мы находим, в качестве посредника между крупным собственником и мелкими сьемщиками, кондуктора, т. е. главного или крупного арендатора, сдающего от себя вторичные аренды. Можно представить себе в такой же роли и более ранних итальянских откупщиков: они были, вероятно, нередко генеральными сьемщиками, которые забирали комплекс земель в интересах крупного магната республики, может быть, даже пользуясь у него кредитом, давали на торгах аванс из его капиталов и затем от себя передавали участки мелким сьемщикам.

И крупная оккупация, и крупная аренда казенной земли были только самыми яркими формами интереса богатых классов Рима к земле и к сельскому хозяйству. Рядом с захватом конфискованных пустырей заметно и другое проявление того же интереса, скупка мелких владений, превращение групп раздробленных крестьянских дворов в большие фермы с целостной систематической экономией. Капитал, собранный с завоеваний, с посторонних владений, бросился на землю в Италию. Его представители искали новой выгоды и были уверены, что они на настоящем пути; в их духе теоретики заговорили о важности, о чудесах рационального хозяйства на широких основах, как бы само собою разумелось, что мелкий собственник не может поспеть за улучшениями, не в состоянии поддерживать большой дисциплинированный рабочий материал. К услугам крупных хозяев появляются агрономические трактаты, причем римляне усиленно пользуются сельскохозяйственными уроками побежденного африканского противника, переводят и перелагают карфагенских авторов.

Среди этой агрономической лихорадки возникло известное сочинение Катона Старшего *de re rustica* (или *de agri cultura*). В нем отражается эта новая для Италии жажда земли, не крестьянская, не лично-трудовая, а помещичья, предпринимательская, отражается взгляд капиталиста, который уже строит на земельном хозяйстве сложный бюджет. Чрезвычайно характерно само вступление к сельскохозяйственным советам и заметкам Катона: речь идет о том, где всего выгоднее купить имение, и на что надо преимущественно смотреть при покупке, автор прямо вводит нас в среду общества, где усиленно покупали землю, обзаводились именениями, нервно осматривались в составе инвентаря, строили хозяйственные здания, покупали орудия, вырабатывали новые условия договора с рабочими и т. д. Катон советует приобретать имение поближе к большому городу, на судоходной реке или у моря, или недалеко от большой дороги, ради удобства сбыта своих продуктов и приобретения орудий для хозяйства, надо еще смотреть, чтобы это было в области, где легко достать рабочих, необходимых в горячее время; желательно, чтобы на покупаемой земле уже были налицо постройки, орудия, скот, посуда и пр., чтобы не тратить сразу много на первоначальное обустройство.

Катон не только сторонник интенсивной культуры, но он ее фанатик, ее педантический схоластик. Переходя к вопросу о видах наиболее производительного хозяйства, он дает знаменитую сравнительную оценку культур земли применительно к условной норме участка в 100 югеров (около 25 десятин): на первом месте по доходности стоит виноградник, потом сад или огород под искусственным орошением, затем ивняк (в качестве материала для плетения корзин, для подпорок), оливковая роща, луг, хлебное поле, лес дровяной, лес строевой и наконец дубовый для корма свиней желудями. Хотя оливка стоит на четвертом месте, когда сравнивается продуктивность участков одинаковой величины, но по доходности в смысле сбыта разведение оливы идет у Катона следом за виноделием или даже стоит наравне с ним. Более всего в своем трактате Катон и занят устройством двух образцовых ферм: одной виноградной в 100 югеров (25 десятин) величины, другой оливковой в 240 югеров (60 десятин). Вино и масло готовятся исключительно на сбыт, и выгода от их продажи на рынке должна оправдать вложенный в посадки и прививки капитал. Старинный продукт Италии,

хлеб, занимает в этом хозяйстве самое скромное место; он сеется в размерах, достаточных для питания рабов имения, и продается только в случае, если останется излишек, из того соображения, чтобы ничего не пропадало даром.

Сельское хозяйство в глазах Катона есть лишь вид помещений капитала. Денежный расчет, *gotio*, подведен ко всем статьям расхода с чрезвычайной чисто римской скупостью и кропотливостью, он кульминирует в правиле: «Покупай как можно меньше, продавай как можно больше». Эта система, разумеется, не имеет ничего общего с «натуральным, замкнутым» хозяйством: соображения относительно рынка господствуют над всеми остальными в этом сельскохозяйственном бюджете, и перед нами просто один из видов римского скупого ростовщичества, на этот раз в приложении к земле.

Хозяин хочет, прежде всего, сэкономить на постоянных рабочих имения. Это, конечно, рабы; Катон наивозможно старается сократить их число: для нормальной оливковой плантации он считает достаточным держать 13 рабов, для виноградной 16, в том числе старосту и его жену. В то же время он настаивает на крайнем напряжении их работы. Никогда они не должны оставаться без дела. Если дурная погода не позволяет работать в поле, их надо посадить за домашнюю работу – плетение корзин, стругание кольев и кручение веревок, починку собственной одежды, чистку помещений и мытье посуды. Даже в праздник им не должно быть отдыха, обойти религиозный запрет работы в праздник не трудно, надо только придумать непредусмотренный заповедью вид труда. «Надо помнить, что когда ничего не делается в хозяйстве, расход на него все-таки идет». Надо пользоваться всякой возможностью сбережения: рабу, раз он заболел и неспособен к работе, следует уменьшить дневную порцию. У Катона приведен обстоятельный рецепт приготовления для рабов дешевого напитка из вина, воды и уксуса; если что из этой смеси останется по прошествии нескольких месяцев напаивания рабов, «у тебя будет великолепный уксус». Все непригодное для хозяйства надо продавать, например, испорченный инвентарь, в том числе состарившихся или болезненных рабов. При этом хозяин-продавец не должен брать на себя забот по доставке продукта; перевозка пусть лежит на покупателе.

Постоянных рабочих-рабов, однако, оказывается недостаточно на случай построек, поднятия нови или для горячего времени сбора винограда и оливок. Необходимо нанимать свободных рабочих со стороны, будут ли это безземельные батраки или мелкие крестьяне-соседи. Вольнонаемный труд уже сильно развит в это время, что, между прочим, видно из обилия технических обозначений: рабочие зовутся *operarii* (это, впрочем, общее обозначение и для сельских рабов), *prociatores mercenarii*, *leguli*, *factores*, и в более специальных случаях *custodes*, *capulatores*. Хозяин может найти для себя затруднительным приискать рабочих, договариваться с ними отдельно. Тогда у него в распоряжении другой путь: сдать подряд на сбор всей жатвы, также на выжатие масла из оливок; в таком случае съемщик приводит целую партию переходящих рабочих или является рабочей артель. Во времена Катона хозяева, видимо, очень охотно продавали спекулянту посев на корню или годовой приплод и продукты с овечьего стада. На все эти случаи Катон сообщает тексты и формулы контрактов.

Только что приведенные случаи очень напоминают позднейшую сдачу на откуп доходов в имперских провинциях Рима, когда собственник, римский народ, тоже завладевал угодьями с тем, чтобы тотчас же предоставить эксплуатацию приобретенного посторонним, арендатором, а себе взять готовую долю: здесь как нельзя более ярко выступает денежный характер сельскохозяйственного предприятия. Но владелец мало хозяйничал и в том случае, когда оставлял за собой весь процесс оборота в имении: Катон представляет себе, что владелец живет в городе и лишь наезжает в поместье для устройства первого обзаведения, для проверки своего приказчика и просмотра с ним вместе счетов, материала, орудий. Советы Катона имеют в виду людей очень определенного имущественного положения; ясно, что

без значительного капитала нечего и подступаться к рациональному хозяйству. Очень характерно в этом смысле подробное описание у Катона одной сельскохозяйственной машины, пресса для оливок, сопровождаемое вычислениями ее стоимости на четырех рынках и трат на ее транспорт. И сама машина, и ее провоз, и ее составление на месте из разобранных частей, и наконец, ее ремонт стоили весьма дорого и были недоступны по цене мелкому хозяину. А между тем ускоренное приготовление масла при помощи этого технического усовершенствования давало перевес на рынке обладателю машины. Таким образом, создавалось обычное разделение интересов при переходе к более интенсивной культуре; мелкий хозяин должен был отказаться от новых способов обработки и оставался при старой, более грубой и первобытной системе, которая становилась вдвойне невыгодной с появлением рынков для сбыта. Едва перебиваясь на своем старом хозяйстве, он нередко вынужден был идти в наемные рабочие к тому самому соседнему владельцу, который заводил у себя разорявшее крестьянина рациональное хозяйство.

Еще в одном отношении должны были заметно разойтись интересы нового рационально хозяйничающего крупного владельца и крестьянина. Большой инвентарь, обилие посуды для хранения вина и масла, обилие металлических орудий заставляли помещика несравненно больше покупать на городском рынке; Катон точно знает, что надо приобретать в Риме, что в Минтурнах, что в Суэссе и т. д. Усиленный спрос на фабрикаты, особенно на глиняную посуду и металлические орудия, конечно, должен был вызывать развитие городской индустрии, и особенно в тех пунктах, которые были ближе всего к иностранному подвозу: большая часть металла привозилась морем, железо с о. Эльбы, свинец из Испании. Но вся эта повышенная работа индустрии в городских центрах Италии и усиленный подвоз из провинций приходились собственно на долю новых хозяев: в лице их самих и в лице необходимых индустриальных и торговых посредников нового хозяйства в деревню вторгался городской капитал.

В сочинении Катона необыкновенно живо отразилось появление в старой итальянской деревне этого городского капиталиста, жадного и скупого хозяина, неотступного и безжалостного вымогателя подневольного труда, с его железной бухгалтерией и счетоводством, с привычкой переводить все работы, все виды почвы, все вещи, от хозяйственных машин вплоть до изношенного старья – на деньги. Он еще с некоторой осторожностью осматривается в новой обстановке: Катон советует покупателю имения сразу стать в добрые отношения к соседям, и очевидно при этом имеет в виду крестьян: «Если будешь хорош с ними, тебе легче будет продавать продукты своего хозяйства, сдавать аренду, нанимать рабочих; если нужно будет тебе строиться, они помогут охотно работой, дадут подвозы, навезут лесу». Эта идиллия должна была однако скоро смениться другим отношением окружи к помещику, и притом в зависимости от того, чем скорее он принимался строго исполнять все советы Катона; деревня должна была скоро почувствовать, что в ее среде появился беспощадный хищник, а та энергия и та экономическая сила, которую он приводил с собою, делали борьбу с ним почти безнадежной.

В Италии началась заметная и быстрая перестановка имущественных отношений. Приобретенный в заморских завоеваниях капитал направился на итальянские земли и уголья, стал поглощать старинные наделы и деревни. Явление это очень неравномерно сказывалось в различных частях полуострова. Оно почти не коснулось отдаленных галльских областей на равнине р. По; в слабой мере отразилось оно в гористых местностях середины Италии и на восточных склонах к Адриатическому морю: марсы, пелигны, френтаны, вестины, самниты сохранили, по-видимому, свое старое земельное устройство вплоть до большого восстания 90 года. Иначе была картина в областях луканов, бруттиев, апулийцев в Южной Италии; здесь старое население было оттеснено на худшие земли, или было вынуждено идти на работу в поместья, или уходить в город. Но то же самое повторилось с кре-

стьянством на собственно римской земле: под столицей фруктовое, огородное, птицеводное, скотобойное и молочное хозяйство вытеснили старинное хлебопашество; но и дальше от центра, по линиям больших дорог, в Сабине, в Пицене, в Кампании, олипка и виноград, а с ними представители большого рационального хозяйства выедали старую культуру ячменя и проса вместе с мелкими плебейскими дворами. К числу стран, где сказалось обезземеление, надо отнести и союзническую территорию этрусков, с тою только разницей, что там этот процесс, по-видимому, начался раньше, прежде чем римский капитал ринулся на Среднюю и Южную Италию.

Без сомнения, обезземеление было и обезлюдением сельских округов. Далеко не везде капитал насаждал и высшую культуру, под знаменем которой он так шумно выступил; в Лукании на месте прежних земледельческих хуторов и поселков, образовались большие пустыри, которые эксплуатировались для очень экстенсивного скотоводства: на широких пространствах единственными обывателями оставались немногие бродячие пастухи. Впрочем, традиция сохранила даже соответствующие советы самого апостола нового рационального хозяйства, показывающие, что сельско-экономическая мудрость легко приспособлялась к различным условиям: по словам Цицерона, Катон считал не только хорошее скотоводство, но и среднее и даже плохое более выгодным, чем хлебопашество.

Можно считать этот завоевательный путь римского капитала первым шагом к объединению Италии. С вытеснением старых пользователей земли увеличилась территория римского владения и продвинулась новыми полосами и пятнами по разным частям полуострова, в разных концах Италии выросли новые крепости, прошли новые дороги, усилились нити влияния центральной общины. Италия стала объединяться в смысле слияния владельческих интересов. Конечно, не было возможности монополизировать отобранные у мятежных общин богатства в руках одних римских магнатов, нобилей и денежных людей; надо было делиться с верными союзниками, те, в свою очередь, с высшими общественными слоями в их среде.

Но рядом с этой владельческой консолидацией шла другая. В Италии началось объединение оппозиции; она составила не только из обиженных экспроприированных союзников, но к ней также примкнули обделенные землею римские граждане, плебейство, которому загородили выдачу наделов предоставлением больших пространств государственной земли в руки крупных пользователей, примкнули те, кого вытесняла с земли конкуренция городского капитала. Вместе с этим объединением недовольных и возник впервые в широком размере вопрос аграрный. Также впервые возник и вопрос союзнический, потому что раньше у союзников не было общих сходных жалоб, не было возможности и основания объединять свои требования. В своем существовании союзнический вопрос был тем же аграрным: деревенское население в союзнических общинах было недовольно так же, как римские плебеи, своим малоземельем или безземельем и добивалось участия в правах римского гражданства для того, чтобы соединиться с плебеями на общей программе и требовать раздела земель из государственного фонда.

В победах капитала, объединявшего Италию, город Рим сыграл важную роль, и его влияние вследствие этого все более возрастало. Полибий необыкновенно яркими красками рисует нам эту капиталистическую силу Рима, это живое и непосредственное участие столичного населения в эксплуатации Италии: «Очень много работ, пошлин и аренд сдаются цензорами на торгах, во-первых, заготовка и починка общественных сооружений, которых так много, что трудно и пересчитать их, затем взимание сборов с речного провоза, ввоза в портах, с садовых плантаций, с рудников, с хлебных полей, одним словом, со всего того, что досталось во власть римлян; во всем этом участвует весь народ, так, что можно сказать, нет ни одного человека, который бы не вложил в эти аукционы своего капитала и не получал барыша с откупов. В частности одни непосредственно откупают у цензоров подряды, другие

находятся с первыми в компании, третьи выдают поручительства за откупщиков, и, наконец, четвертые вкладывают свои капиталы в общественные предприятия через посредство откупщиков». Последний разряд указывает уже на участие сберегателей, т. е., по-видимому, всякого среднего и мелкого люда, искавшего прибылей от военных поставок, постройки дорог, от плантаций и заводов, но вынужденного доверять свои запасы и доли оперирующим компаниям. Взятые вместе, все эти разряды и образуют *plebs urbana*, столь не похожую по своему составу и интересам на *plebs rustica*, на старое плебейство; мы можем понять происхождение жестокой вражды между ними, которая разражалась потом драматическими столкновениями в народном собрании и даже прямыми побоищами. *Plebs urbana* возникла из элементов старой торговой общины, ее состав заполнялся все более подначальными агентами больших домов, их клиентами и вольноотпущенными, и расширялся за счет притока иностранцев, привлекаемых заморскими сношениями. Теперь масса городского плебейства следом за магнатами и компаниями откупщиков приняла участие в полувоенном, полухозяйственном захвате и объединении Италии. В этом ходе вещей *plebs rustica* заняла обратно пассивное положение, она тоже расширилась в своем составе и из римской или латинской стала общи-талийской; от нее по-прежнему требовали тяжелой воинской повинности, но ее оставляли без вознаграждения, ее не пускали к свободной земле, ее стискивали большими фермами, широкими пастбищами. Рим заявлял прежние притязания, присылал прежние приказы, и в то же время из Рима являлись предприниматели, отстранявшие мелкого землевладельца от аренды и оккупации земель, так недавно отобранных у его же соседа. Это была своего рода вторая встреча завоевателей и покоренных.

В обществе никогда нет совершенно резко очерченных разрезов, всегда имеются переходные слои. В среде союзников были, конечно, и крупные дома в роде римских *gentes*; были средние землевладельцы, были торговцы и негоданты неримских городов. С другой стороны, в Риме развивался обширный класс пролетариев из мелких ремесленников, ходящих и разносчиков, людей, занятых в извозе и переноске тяжестей, в торговой службе, которые, конечно, не могли ни в каком смысле участвовать в эксплуатации Италии и ее угодий. В деревне образовался также новый класс из безземельных; это были частью пострадавшие от конфискации, частью же лишние дети крестьянских семей, которым не доставались более земельные наделы за прекращением земледельческих колоний; им приходилось искать заработка или в соседних больших экономиях, или в городе. Мы уже видели, какое заметное место занимают вольнонаемные батраки в сельскохозяйственных соображениях Катона. Когда Цицерон говорит о жалких и беспокойных *agrestes*, он, очевидно, понимает тот же разряд. Тяжелая участь, наемный труд, необеспеченность существования сближали *agrestes* с городскими пролетариями, тем более, что иногда это были те же самые люди, менявшие занятие и местопребывание. Получалась некоторая промежуточная среда бедноты, в которой *plebs rustica* и *plebs urbana* близко соприкасались между собою. Падение крестьянской Италии и причины этого явления очень занимали еще античных писателей. Тот крупный римский историк конца республики (вероятно Азиний Поллион), которым пользовался Аппиан в своей истории гражданских войн, оставил нам красноречивую картину захвата Италии римским капиталом. В его глазах само появление крупных пользователей на казенной земле составляло уже опасное начало, но это еще не была главная причина уклона и гибели большей части римского и италийского крестьянства. Сам крупный землевладелец или сторонник латифундиального хозяйства, он решается упомянуть о некотором идеале, к сожалению, для него, не осуществленном: хорошо, если бы мог образовываться из обойденных раздачей крестьян, из этой «трудолюбивейшей италийской породы», постоянный состав сельскохозяйственных рабочих или второстепенных пользователей под руководством на службе больших экономий. В этой мысли историка заключено обычное оправдание, свойственное эпохам капиталистического подъема, когда завоеватели, крупные хозяева и техники стараются

уверить себя и других, что в их жестоком деле, в приносимом ими разорении есть и возмещение беды, есть новый источник выгоды для разоряемых. Но римский историк находит, что и это утешение не было дано Италии. Многочисленная трудовая масса не получила применения в новых больших поместьях; собственник и крупный оккупатор бросились на приобретение дешевых рабских рук, и в этой-то конкуренции невольников заключалась главная причина обезлюдения Италии и падение старого плебейства.

Историки нового времени, современники роста европейско-американского капитализма, усиления всемирной торговли, ухода разоряемого крестьянства в города и жестокого соперничества рабочих групп между собою приняли эти объяснения Аппиана. Увлекаясь аналогиями Рима II–I вв. до Р.Х. с Европой XVIII–XIX вв., они пошли еще дальше. Моммзен представляет себе Италию наподобие современной деревенской Европы под давлением громадного и дешевого подвоза продуктов первой необходимости, особенно хлеба. Рим и другие города начинают потреблять исключительно иностранные продукты, доставляемые новообразованной империей; крестьянская, хлебопашеская Италия лишается рынка и гибнет.

В последнее время против объяснений подобного рода выступил довольно энергично итальянский историк и социолог Сальвиоли². В этом ученом своеобразно сплетается сторонник социально-философских теорий марксизма и реалист-наблюдатель современной Италии, глубоко убежденный в исконности и основной неизменности национальной культуры своей страны. Сальвиоли исходит из новых экономических категорий, выставленных европейско-американской культурой последних двух веков, но думает, что старинная Италия (которую он неосторожно отождествляет даже в заглавии книги с «античным миром») не дошла до форм развитого капитализма, остановившись на довольно скудном, тихом, замкнутом хозяйстве. Сказочная роскошь и расточительность Древнего мира, о которой повествуют, главным образом, сатирики и обличители, по его мнению, до крайности преувеличена. Богатства Древнего мира, говоря безотносительно, были несравненно скуднее и мельче новоевропейских. От завоеваний, от подвоза иностранных продуктов богател только Рим, издалека привозились сюда только предметы редкие, для немногих богатых людей, остальная Италия как была, так и осталась глухой деревней. Капитал направился только на непродизводительные формы откупов и ростовщичества, не захватил индустрии и не пытался завоевать сельские области крупным сбытом, ремесло оставалось узким местным производством.

В своем справедливом протесте против чрезмерных аналогий между Римом и европейской современностью Сальвиоли, может быть, заходит несколько далеко, в другую, противоположную сторону: капиталистическое предприятие в Италии, без сомнения, сравнительно мало захватило индустрию, но сильно выразилось в сельском хозяйстве; оно не завоевало, может быть, всей Италии, но, во всяком случае, далеко зашло за пределы Рима и еще двух-трех больших городов. Рим не только покупал на свои непродизводительные ростовщические деньги, и покупал не только чужеземные редкие товары или производимые в подгородных имениях лакомства и цветы. Из описаний и советов Катона мы ясно видим, что Рим и другие города, по крайней мере, западного берега были обширными рынками, которые покупали продукты сельских экономий, сравнительно отдаленных, и которые, в свою очередь, были необходимыми для этих имений поставщиками фабрикатов, приготовляемых ими же в больших размерах. Напрасно считать море единственным торговым путем того времени: мы видели опять, какое значение придает Катон положению поместья у реки и у большой дороги, как далеко он считает возможным по сухому пути экспедировать сельскохозяйственную машину.

² *Salvioli. Le capitalism dans le monde antique*, trad. P. A. Bonnet, Paris, 1906.

Приняв все это во внимание, мы опять готовы вернуться к характеристике Аппиана, мы еще более, чем римский историк конца республики, готовы будем видеть первый толчок к падению крестьянской Италии в самой оккупации государственной земли, в том, что капитал с каперства, с захватов на море, с военных кампаний, кончавшихся контрибуциями, бросился на эксплуатацию земли. Мы только остережемся делать заключение о его всепроникающей, всеобъемлющей роли; большая часть Италии все-таки и после кризиса II в. осталась вдалеке от погони за торговой выгодой, от колебания цен, от крупных расчетов на сложные конъюнктуры. Но мы должны отказаться и от того взгляда на экономическую жизнь Древнего мира, который относит в круг влияния культуры и капитала только береговую полосу, а все остальное безраздельно передает царству натурального хозяйства.

2. Возникновение империализма и начало римской демократии

О Римской империи нельзя говорить по-настоящему до события половины II в., до момента одновременного захвата Карфагена и Македонии с Грецией. Ранее 146 года у Рима были посторонние владения за пределами Италии; были области, обязанные натуральными поставками, напр., Сицилия и Сардиния, обложенные повинностью поставлять хлеб, были народности на западе, в Галлии, Испании, на Балеарских островах, с которых римляне собирали живую подать, требовали военной подмоги. Но эти владения не составляли постоянных доходных статей римского государства, они не успели еще сделаться достоянием римского капитала.

Римское правительство все еще держалось старой финансовой системы. Оно не имело постоянного бюджета. Для организации большого военного предприятия сенат должен был прибегать к чрезвычайному принудительному займу, с граждан собирали *tributum*, с тем, чтобы потом вернуть его из добычи, из военной контрибуции, взятой с противника, и в хорошем случае вернуть со значительной лихвой. Возвращением трибута служили последующие раздачи хлеба гражданам, земельные наделы, вероятно, также распределение между ними денег. Иногда правительство, не желая брать на себя риск предприятия, допускало сбор добровольных пожертвований, которые сосредоточивались в руках конквистадора: так организован был поход в Испанию и в Африку молодого Публия Сципиона в 206 г. В таких случаях и последующие раздачи народу, вероятно, также носили частный характер, исходили не от сената, не от всей коллегии нобилей, а от тех отдельных капитанов-предпринимателей, которые организовали данное завоевание или экспедицию. По-видимому, Сципионы в таком же духе вели свои более ранние предприятия в Испании, в 218–211 гг., и свои последующие кампании на Востоке в 90-х гг. II в. И тогда нам становится понятен известный эпизод политической карьеры Сципиона Африканского Старшего, его высокомерный отказ явиться на суд и дать отчет в расходовании военных сумм. Он был по-своему прав: предприятия его были частным делом, и если ему в свое время предоставили полный простор действия, то запоздалый контроль со стороны должностных лиц, посторонних его предприятиям, представлялся ему вмешательством в это частное дело.

По всей вероятности, в лице Сципионов и дружественных им фамилий Квинкциев Фламининов и Эмилиев Павлов Рим имел самых ярких и влиятельных представителей кондотьерства, а в период 212–168 гг., начиная от походов в Испанию и Африку и до разгрома Македонии, переживал самую интенсивную пору частных военно-коммерческих предприятий. В эту же самую эпоху Рим был довольно близок к тирании счастливых командиров на манер сиракузской монархии Дионисия или Агафокла.

Такое положение вещей было слишком невыгодно для остальных нобилей, так как частные предприниматели, капитаны, отодвигали влияние большинства аристократии. В следующие десятилетия можно заметить, как сенат, т. е. масса нобилей, делает усилия регулировать внешнюю политику, разделить равномернее ее выгоды; с этой целью, прежде всего, стараются установить очередь должностей между главными правящими фамилиями. Благодаря этому выдвинулась коллегия сената, и римская республика получила тот вид, который закрепился за ней в идеализированной традиции: во главе разумно подчиняющейся общины – собрание царей, как льстиво называли сенат восточные клиенты Рима, корпорация, где нет чрезмерно выдающихся личностей, а правит средний государственный ум, опираясь на коллективный опыт. Когда за этим периодом равновесия нобилей в сенате последовал кризис и потрясение сенатского авторитета, так называемый революционный период, то

стало казаться, что вся старина была временем твердого и постоянного управления сената; между тем как в действительности это были какие-нибудь 40–50 лет.

Момент финансового и дипломатического всемогущества сената закреплён как раз в характеристике Полибия. Правда, в угоду своей излюбленной теории равновесия трех политических форм, греческий историк изображает руководство сената в виде одного только из основных цветов политической радуги Рима, придает ему в общем гармоническом чертеже значение лишь одной важной, но не господствующей линии. Но это не мешает нам найти в характеристике Полибия реальные черты. «Сенат распоряжается прежде всего казною: он определяет все доходы и расходы. Квесторы (казначей) не могут делать никаких выдач помимо постановления сената за исключением тех, которые совершаются от имени консулов. Но в особенности от сената зависит разрешение на самые существенные и крупные общественные траты, а именно на те сооружения и поставки, которыми заведуют цензоры; только от сената цензоры и получают на это уполномочие»³. Полибий замечает дальше по этому поводу, что сенат входит во все детали, контролирует ответственного чиновника во всех стадиях торгов и сдачи подрядов. Изобразив участие всего римского гражданства в аукционах и поставках (в вышеприведенном отрывке), Полибий прибавляет: сенат во всей этой процедуре распоряжается полновластно. От него зависит установление и изменение срока договоров, он может в известных случаях скидывать уговоренные ставки или даже вообще во внимание к затруднениям расторгать условленные сделки. Таким образом, очень обширны пределы области, в которой сенат может причинить крупный урон и доставить большие выгоды. Еще раз повторяю, что доклад обо всех этих делах идет в сенате. В другом месте Полибий соединяет вместе разные функции сената, еще раз говорит о финансовом его управлении, о судебном, полицейском авторитете сената над всей Италией и о ведении им всей международной политики. И для полной определенности он прибавляет: «Народ во всем вышесказанном не имеет никакого голоса».

Замечания эти чрезвычайно важны. Они объясняют нам, почему откупщики и стоящие позади них группы компанейщиков, поручителей и пайщиков-сберегателей потом образовали оппозицию сенатскому правительству. Их держали вдали от финансового источника, им связывали руки в эксплуатации приобретаемых государством богатств. Народное собрание, где они подавали свой голос, было совершенно устранено от финансовых дел.

Но что касается состава финансов, во II в. произошла важная перемена. В старом бюджете, неправильном, прерывающемся, главной статьей дохода была военная контрибуция. В 201 г. с Карфагена была взята контрибуция таких размеров, что она свела сразу великий африканский город в разряд второстепенных держав. Одновременно Рим мог скинуть большой расход: с уничтожением карфагенского военного флота Западное море становилось закрытым римским морем и, следовательно, исчезла необходимость держать свой военный флот. В 198 г. взяли крупную сумму с македонского царя Филиппа, а после 192 года поплатился тем же его союзник, царь Антиох Сирийский. Это было десятилетие замечательно счастливое в смысле чрезвычайных доходов. Через 25 лет (167 г.) добыча, полученная с побежденной Македонии, и контрибуция с территорий Балканского полуострова оказалась столь значительной, что с граждан перестали брать трибут; другими словами, в казне образовался большой постоянный запас, из которого можно было делать все траты на снаряжение новых походов, не прибегая к займам у гражданства. Конечно, это одно поднимало авторитет сената, ставило его в еще более независимое положение относительно народа.

Но правящие нобили не хотели на этом останавливаться. Налицо были новые мотивы завоеваний и присоединений. Полной монополии в Западном море не было, пока существовал самостоятельный Карфаген. *Delenda est Carthago!* – говорил типичный средний нобиль

³ Polyb. VI, 13.

Порций Катон и, конечно, не он один был такого мнения. У Сципионов имелось множество подражателей, которые хотели попытать счастья на слабом в военном отношении, почти обезоруженном Востоке. Многим желающим не хватало должностей; если несколько счастливых консулов получили вслед за своей годовой службой провинциальные наместничества, то другим за неимением свободных провинций приходилось ждать очереди, а пока уходить в частную жизнь. Наконец, и это самое важное, если военные экспедиции составляли путь к новым доходам, то всего выгоднее было вступать в постоянное пользование побежденной территорией, т. е. присоединять ее к своей державе. Вот почему в 146 г. несколько вассалов были лишены автономии и их земли превращены в провинции: Карфаген, четыре республики, образованные в 167 г. из Македонии, Коринф, Ахайя.

В самом способе присоединения и устройства этих наместничеств не было ничего нового в принципе. Но нельзя не заметить разницы между провинциями, имевшимися до 146 года, и теми, которые возникли после этого момента. Первые, кроме Сицилии, были малокультурными областями, дававшими мало дохода. Вторые представляли территории с очень развитым земледельческим или индустриальным хозяйством, плотным населением, большими имущественными фондами и запасами. С них можно было резать постоянный денежный доход. Вложенный в завоевание ростовщический капитал Рима мог дать здесь непосредственный или большой процент. Для победителей не было нужды входить в разработку естественных богатств и даже заниматься обменом; местное население оставалось при своем привычном производстве и доставляло все, что требовалось Риму. Между Востоком и Западом возникли своеобразные экономические отношения. Восток и карфагенская Африка были богаче культурой, техникой, запасами, трудолюбием; но лучше сконцентрированный хищнический капитал Рима, опираясь на полуварварские военные силы окружающих стран Запада, брал верх над работой, искусством, бережливостью эллинистических и семитических стран.

Приобретения 146 г. скоро увеличились новыми наместничествами. В 133 г. римской державе досталось замечательное наследство, бывшее Пергамское царство Атталидов. Оно отошло по завещанию последнего царя, может быть, задолжавшего римским капиталистам и вынужденного отдать теперь свой залог, всю свою страну. Около того же времени в Испании к прибрежной полосе присоединили внутренние области. В 118 г. римляне устроили наместничество в той области, которая служила им для военных переходов в Испанию, превратили в провинцию южную прибрежную Галлию: страна эта, уже разработанная греками Массилии, отличалась от остальной Галлии своей культурой и богатством. Можно считать захваты этого тридцатилетия началом Римской империи, т. е. обширной колониальной державы, служившей интересам Рима и Италии. На первых порах, однако, империя принесла выгоды немногим группам гражданства. Ее образование вызвало вместе с тем к жизни широкую и разнообразную по составу и мотивам оппозицию в метрополии.

Новые проконсульства и пропреторства значительно расширили число мест для выгодного устройства нобилей. Вся их корпорация, соединенная в сенате, стала распоряжаться еще большими суммами. Но она не собиралась, по-видимому, изменять финансовое управление. В новых наместничествах римский начальник вступал в соглашения с отдельными общинами относительно размера податей, взносов и поставок так же, как это велось уже раньше в Сицилии. Конечно, это открывало простор большим злоупотреблениям и утайке сумм. Само правительство сената, обеспокоенное растущими утайками, назначило постоянную судебную комиссию для проверки возвращавшихся в Рим наместников, под очень характерным названием *quaestio de pecuniis*, т. е. следствия о суммах, подлежащих взысканию (в казну). Капиталисты второго разряда, «всадники», успевшие втиснуться посредниками в пользование итальянскими угодами и поставками, но оттесненные от больших политических должностей, а, следовательно, и от участия в провинциальной администрации, не могли не под-

нять громких жалоб против традиционного управления: они представляли правительству и народу всю невыгодность этой администрации командиров и офицеров, весь некоммерческий характер его и обещали несравненно большие сборы с провинций, если бы управление было им предоставлено.

Неизбежно также должно было возрасти недовольство римских и союзнических крестьян, служивших в войске. В то время как они перестали получать наделы, нобили все более приобретали выгоды от оккупации земель, от скупки мелких участков и округления своих имений, потому что получили в свое распоряжение новые массы привозных рабов и могли выкраивать себе все новые и новые доли из растущей провинциальной добычи. Сторонники старого плебейства могли спрашивать себя, почему же не отделяют казенных сумм на устройство колоний, почему вообще не пытаются остановить этот двойной грабеж, при посредстве которого созданный завоеванием капитал помогает в Италии вытеснению мелкого хозяина и пользователя? Сельскому батраку угрожал приток дешевых рабочих из провинций и потеря заработка. Городской пролетарий тоже стал терпеть от конкуренции работ; он видел перед собою каждый день блеск новой роскоши, которой окружали себя нобили, по временам созерцал пеструю сказочную, переливающуюся всеми цветами добычу, которую везли напоказ в триумфах и потом складывали в таинственные кладовые государственных церквей, – все это проходило мимо него, а между тем, несмотря на приток иностранного золота, цены возрастали и становилось трудно обеспечить себя самым необходимым; хлеб везли из подчиненных областей даровой, но он попадал в руки скупщиков, и казалось естественным, что богатое правительство должно взять на себя все руководство делом хлебоснабжения столицы.

Наконец, в самом правящем классе были недовольные – не все нобили могли получить долю в общем дележе колониальных приобретений, должностей консульских, преторских, квесторских, наместнических далеко не хватало на всех. Пока управление держалось на старой системе временных командований и военного чрезвычайного устройства порядка, персонал администрации в провинциях был невелик и действовал только суммарными приказами, не входя в детали, в отчетность. Возникла мысль об устройстве более дробной и активной администрации завоеванных областей, о введении в провинциях бюрократии и замене временных команд посредством более постоянного гражданского управления; вместе с тем обделенные нобили могли надеяться на открытие для них новых кадров службы.

Оппозиция в Риме и в Италии выросла и сложилась очень быстро. Она получилась из самого факта империалистического расширения; общественные группы, разоренные внезапным притоком чужих богатств, сходились в ней с другими, отодвинутыми от пользования этими богатствами и добивавшимися своей доли. Оппозиция была очень пестра; больше того, – она составлялась из противоречивых элементов. Нобили, сторонники бюрократии, были прямыми и естественными врагами откупщиков, требовавших устройства провинциальной администрации по типу коммерческого предприятия; городские пролетарии, добиваясь казенного хлеба, не могли сочувствовать выдачам денег на устройство земледельческих колоний.

И, тем не менее, несмотря на эту рознь интересов, оппозиционные элементы должны были действовать вместе: против всемогущей сенатской коллегии у них было только одно политическое средство – народное собрание по трибам, руководимое трибунами. Политический обычай в Риме не открывал других путей для заявления жалоб и нужд, для обстоятельной защиты программ, для формации партий, для проведения реформ. Комиции по военным сотням, руководимые первыми сановниками республики, решавшие крупные внешние акты по инициативе сената, лишённые дебатов, не давали вовсе выхода для оппозиции. Оставались трибы, издавна поставленные более самостоятельно, но теперь, в обстановке боль-

шого союза и вновь возникшей державы, обратившиеся в очень узкое случайное соединение незначительных количественно долей населения метрополии.

Трибы по своему составу совершенно не отвечали действительной группировке италийского общества. Большая часть жителей полуострова не имела участия в римских голосованиях; обширные территории не были представлены в трибут-комициях. Но этого мало: значительные перемены в устройстве союза, происшедшие около 200 г., послужили к новой невыгоде римских народных собраний. Сенат после катастрофы карфагенского нашествия, после целого ряда экзекуций над мятежными общинами стал распоряжаться полновластно в союзных территориях: все тяжкие проступки уголовного и государственного характера, совершенные в союзных общинах, особенно измена, политические заговоры, шли теперь на разбирательство сената; союзники обращались к нему же со своими тяжбами и спорами; сенат назначал отправку гарнизонов и полицейских отрядов в общины союзников. Наряду с таким усилением власти сената над Италией, трибы во всех этих вопросах не имели никакого участия. Их старая компетенция оставалась теперь узким полем действия. В виду этого различные слои оппозиции, пытавшиеся заявить свой голос и свои притязания в политике, естественно должны были сойтись на одной общей программе: расширение триб, принятие новых граждан, увеличение числа активных голосующих членов общины и затем расширение круга ведения самих трибут-комиций, вместе с прямым вмешательством народа через своих доверенных, трибунов, в дела администрации, суда, распределения земель, распоряжения финансами. На первую очередь выдвигалась для всех оппозиционных групп политическая реформа: все сходились на требовании демократических перемен.

Демократия была в Риме совершенно новым, невиданным явлением. Полибий передает нам очень характерный взгляд современников своих: «Если бы кто-нибудь приехал в Рим, когда там нет налицо ни одного из консулов, государственный строй показался бы ему безусловно аристократическим⁴. Таково убеждение большинства греков, а также восточных царей, так как сенат верховно решает во всех делах и сношениях с ними».

Насколько демократическое течение в Риме казалось новым и в этом смысле революционным фактом, можно заключить из разных частных фактов. По-видимому, до Гракхов в Риме не было вовсе митингов, не было частных совещаний или агитационных собраний, не было никаких средств и приемов для того, чтобы сговариваться на общей программе, выставлять общие требования. В биографии Тиберия Гракха рассказывается о совершенно первобытном приеме, при помощи которого он узнал о жажде земли у плебеев: всюду на стенах домов, внутри портиков, на общественных монументах простолудины нацарапали своеобразные воззвания к трибуну, написали о своем желании получить землю из общественного поля. Эти разрозненные настойчивые призывы из среды массы, официально вынужденной молчать, впервые дали политическому деятелю представление о наличности кадров большой, еще не сформированной партии, которую можно было бы назвать римским крестьянским союзом.

Все говорит нам о первых неровных шагах выступающей активной массы. Принято считать, что со времени Гракхов римское народное собрание утратило свою старинную сдержанность, спокойствие и солидность, стало шумным и беспокойным на манер греческих демократий, наполнилось горячими речами и спорами, резкими перерывами и драматизмом; другими словами, оно теперь только проявило признаки жизни, впервые стало активной ареной политики. Очень типичен в том же смысле один мелкий сравнительно эпизод из времени трибунства Кая Гракха. Когда в 122 г. среди приготовлений к большим играм были устроены лучшие места на помостах для богатых, за которые предполагалось брать плату, Кай Гракх потребовал у распорядителей, эдилов, чтобы помосты были сняты; получив отказ, он велел ночью рабочим разнести балконы и таким образом, открыл всему народу одинако-

⁴ Polyb. VI, 13.

вое участие в празднике. Эта, до известной степени юношески-задорная выходка демагога и реформатора, занятого в то же время крупнейшими вопросами политики, характерна и для него самого, и для руководимой им партии. Масса впервые организуется, впервые просыпается в ней смутное сознание своих прав, идеи равенства, и она проявляет себя, может быть, несколько беспорядочно в непрошеном вторжении туда, где сидят представители высших классов.

Стоит привести еще одну анекдотическую мелочь, сохранившуюся случайно у Цицерона, потому что она наглядно рисует нам, насколько трудно было политически дисциплинировать римскую массу, какие усилия приходилось применять вождям, чтобы обучить народ политической азбуке. Цицерон вспоминает о необычайно искусном политическом наставничестве Сервилия Главция, демократического деятеля, погибшего в 100 г. «Главция, – говорит он, – приучал народ вслушиваться внимательно в первые слова вносимых сановниками предложений: если они начинаются со слов «диктатор, консул, претор, начальник конницы», пусть собравшиеся не напрягают внимания: очевидно, дело идет о чем-нибудь, не касающемся народа. Но если вступление гласит: «кто после этого закона и т. п.» – пусть слушают внимательно и остерегаются, чтобы не связать себя новой ограничительной, антидемократической комиссией»⁵. Без сомнения, это – уроки трибуна на особенный случай, когда ему самому нельзя выступить с подробными объяснениями, т. е. в собрании, руководимом высшими сановниками из консервативной аристократии. Но положение вещей все-таки остается характерным, и этот незначительный, по-видимому, анекдот резко выделяет римские комиции с их спешным производством дел, слабостью или отсутствием разъяснительных прений от греческих экклезий с их долгими, необыкновенно детальными обсуждениями, в которых так легко должен был уметь разбираться обыкновенный посетитель.

На первых порах вся оппозиция стоит за демократию – явление, которое, кажется, повторилось в начале революционных движений во все времена и во всех странах. Еще другая особенность начального периода революций обнаружилась при первом взрыве оппозиции в Риме: все жгучие вопросы были поставлены зараз. У обоих Гракхов, открывающих собой период подъема демократии, в программе стояли и наделы, и колонии, и раздачи, и реформа финансов, и перемена провинциальной администрации, и крестьянский и рабочий вопросы, и уравнивание союзников в правах с римлянами, и усиление самих римских народных собраний, т. е. установление народного верховенства.

Но как только вопросы были поставлены на практическую почву, как только за предстоящим расширением и осуществлением политических прав стали вырисовываться очертания дальнейших социальных изменений, группы оппозиции разошлись между собою, частью стали во враждебные друг другу отношения. Уже первые вожди демократии, Гракхи испытывали всю силу этого внутреннего разлада оппозиции, перешедшего тотчас же в коллегию трибунов и отразившегося в противоречивых, непосредственных голосованиях народных триб.

При сравнении римской демократии с греческой, в частности с афинской, резко бросается в глаза и слабость первой, и более короткий срок ее активного выступления, – какие-нибудь 50 лет (от 134 до 84). Разница объясняется многими условиями. Главное, конечно, состоит в том, что греческая демократия была до известной степени старинной, исконной, почти естественной бытовой формой греческой общины, как это видно из описания народного собрания еще у Гомера. В римской традиции, в старых римских нравах нет демократического начала, римская демократия – создание новых политических обстоятельств, в значительной мере результат самой империи и принесенного империей разорения старинных народных классов.

⁵ Ibid.

Большие народные решения и голосования немыслимы без деятельности и борьбы партий, а партии предполагают подготовительные усилия кружков, клубов, корпораций, где сплачиваются единомышленники, вырабатываются программы. В греческих демократиях всегда очень деятельную роль играли гетерии, т. е. политические клубы. В Риме мы лишь под конец республики встречаем коллегии политического характера, и правительство относится к ним в высшей степени подозрительно, несколько раз принимается за их запрещение и преследование. Если потом в громадной столице империи так шатко было существование политических клубов, то можно представить себе, что раньше, при первых шагах демократии, их работа была совсем слаба. Весьма красноречивы в этом смысле также факты, относящиеся к истории аграрного закона Тиберия Гракха. Из всего, что мы слышим о приступе к делу Гракха, о неожиданной оппозиции его коллеги Октавия, о драматическом обороте дела, когда трибы, впервые спрошенные по вопросу о неприкосновенности своего избранника, одна за другой стали высказываться за смещение непопулярного трибуна, – из всего этого можно вывести заключение, что в Риме еще не было никакого расчленения агитации, не было предварительной работы второстепенных вождей, не было деятельности политических союзов: сам инициатор реформы, вместе с близкими друзьями своими, развивал программу на митингах, непосредственно предшествовавших решительному голосованию, и при этом он не был даже в состоянии предусмотреть такой досадной частности, как возражение одного из своих коллег, грозившее, однако, в самом начале остановить все дело.

Другая невыгодная особенность римской демократии состояла в том, что вожди ее принадлежали большею частью к одной группе оппозиции, выходили из того же класса нобилей, который держал в своих руках и политическую власть. Иных законных представителей своих интересов перед сенатом, кроме трибунов, народные массы не имели, а между тем трибунат давно уже сделался ступенью в служебной карьере нобилей, и если бы они допустили к трибунской должности людей низших классов, им пришлось бы скоро принять этих «новых людей» вообще в свою среду, в сенат и на высшие должности. Поэтому трибуны и в эпоху демократического подъема носят имена старинных городских фамилий, Семпрониев Гракхов, Аппиев Клавдиев, Фульвиев Флакков, Папириев Карбонов и т. п. По-видимому, в трибуны редко проходили люди всаднического звания, нечего и говорить о других еще ниже стоявших классах. Рассказы о римской старине, составленные под впечатлением социальной борьбы I века, подтверждают наше наблюдение. Только один раз в лице горячего трибуна Волерона из эпохи начального периода старой сословной борьбы мы встречаем человека, вышедшего из самой толпы, из солдат, только что испытавших всю тяжесть службы; все другие деятели эпохи борьбы патрициев с плебеями принадлежат к известным фамилиям, между ними есть родственники крупных сановников республики; не раз у демократического историка I в. проскальзывает жалоба, что между массой плебеев и ее вождями, трибунами, мало общего, как будто это люди разных интересов и понятий, что простой народ неохотно идет за трибунами, нередко изменяет им.

Итак, вожди демократии, «популярны», большею частью сами принадлежали к высшему классу. Можно было бы несколько видоизменить жалобу демократического историка или обернуть ее острие на самих вождей и сказать, что они не представляли в достаточной мере желаний и чаяний низших классов, наиболее нуждавшихся в защите. Это были, по большей части, люди посторонние крестьянству Италии и пролетариям, сельским и городским. Естественно у нас возникает вопрос: что же в свою очередь заставляло часть нобилей отколоться от той общественной группы, к которой они принадлежали, и, превратясь в вождей демократии, открыть борьбу со своими ровнями?

Мы уже видели, что часть нобилей не находила места в рядах правящих семей, в числе замещаемых ежегодно очередных должностей. Недовольные переходили в оппозицию и добивались изменения администрации в смысле расширения контроля, усиления правитель-

ственного вмешательства и увеличения служебного персонала. В реформах обоих Гракхов видное место занимает создание новых гражданских должностей. Для устройства наделов на основании аграрного закона 133 г. была устроена комиссия триумвиров, в которую, кроме инициатора, трибуна Тиберия Гракха, шел его тесть Аппий Клавдий и его брат Кай Гракх. Комиссия, при своих обширных судебных и административно-межевых полномочиях, нуждалась в большом числе подчиненных служащих: особенно должен был явиться сильный спрос на работу землемеров при больших проектированных переделах. Когда Кай Гракх через 10 лет двинул в дело свои широкие проекты поставок, проведения дорог и устройства заморских колоний, потребовалось сразу создать много новых должностей. Впоследствии обширный проект земельных наделов, выработанный Сервилием Руллом (64 г.), имел в виду образование большого штаба – не менее 200 – гражданских чиновников.

Высшим авторитетом над новыми должностями должны были сделаться трибуны, раньше не имевшие участия в администрации; напротив, предполагалось отстранить консулов, до тех пор стоявших во главе исполнительной власти, от пользования новыми административными кадрами. Дело явно шло к образованию двух служебных групп, одной, которая была связана со старой системой командований и заполняла собой сенат, другой, которая примыкала к народным избранникам, трибунам, и к народному собранию. Для массы незанятых нобилей, особенно для небогатых, разорившихся, эта новая служба представляла очень важный выход. При удаче, для народных вождей, трибунов, открывалась перспектива устроить новую правительственную коллегия, параллельную с сенатом. Когда нам описывают руководящее, почти единоличное положение Кая Гракха в 123–122 гг., эта возможность вырисовывается очень ярко. В Риме был момент, когда, казалось, руководящая роль перейдет к обновленной гражданской власти избранников и представителей триб.

Вообще если решиться провести резкие контуры для политических эпох римской истории, то можно найти в промежутке 150 лет от Сципиона Старшего до Цезаря четыре типа правящих сил, сменяющих друг друга: конквистадоры, сенат, трибуны и, наконец, колониальные императоры. Третий момент был самым преходящим, как и вообще демократия блеснула в Риме короткой полосой, определенной политической формы из ее преобладания не получилось, но тенденция ясно сказалась, тип правления наметился; во всякое случае, всевластие сената, создавшемуся в предшествующий период, был положен конец, аристократия была расстроена.

В 133 г. до Р.Х., в трибунство Тиберия Гракха, начинается сильный натиск оппозиции на сенатское правительство. С именем этого первого великого трибуна связывается преимущественно аграрная реформа, устройство крестьянских наделов из казенной земли. С проведением этой реформы в свою очередь связаны в традиции известные драматические сцены столкновения между трибунами, апелляции Гракха к народу и суда над непопулярным трибуном. Но нельзя сводить содержание трибунства первого Гракха только к этому закону. Оно уже поставило на очередь все почти вопросы, волновавшие возникающую демократию, оно уже подняло все силы оппозиции. «Глава народной партии» успел в короткий срок объявить войну правительству сената по всей линии.

Только что досталось Риму богатое наследство царя Аттала в Азии, сенат собирался, по обыкновению, принять отчетность по доходам, сокровищам и денежным запасам Пергама, привезти движимость в Рим и распорядиться ею по усмотрению. Но Гракх предложил неожиданно раздать эти суммы народу, а именно тем мелким земельным владельцам, которые должны были получить наделы из казенной земли с тем, чтобы они могли воспользоваться пособием для устройства своих новых дворов, приобретения орудий и т. п. Эта мера не была только моментальным вмешательством популярного трибуна в сферу до сих пор бесспорного ведения сената. Гракх явно замыслил реформу всего финансового управления в центре и на местах. Он заявил, что дальнейшая судьба новой провинции Азии не

подлежит ведению сената и что он сделает доклад народу о повинностях и устройстве городов, входящих в состав царства Аттала. Вероятно, в тесной связи с этим отнятием у сената новой провинции стоит еще одна мера Тиберия Гракха, которую позднейший историк считает лишь агитационным средством: в судебную комиссию, разбиравшую жалобы на действия провинциальных наместников, Гракх посадил впервые всадников в равном числе с сенаторами. Другими словами, это значило присоединить представителей класса, находившегося в оппозиции, к финансовому управлению, которое было до тех пор монополией правящей аристократической коллегии.

Тиберий Гракх символически резко обозначил кризис финансового и административного всемогущества сената: в борьбе за аграрную реформу он впервые, если судить по силе впечатления, произведенного на римское общество, применил трибунское veto в широких размерах. Правда, Полибий в описании строя римской республики упоминает о праве трибунов останавливать неугодные народу решения сената и не допускать созыв заседаний сената. Но в виду ограниченной компетенции народных собраний до Гракхов мы можем представить себе только один повод для подобного бойкота администрации – отказ в наборе солдат для непопулярной экспедиции, заявленный от имени триб их избранниками. Мера, принятая Тиберием Гракхом, была, без сомнения, первым крупным расширением средства старой политической стачки. Теперь трибун объявил приостановку всех дел, всей администрации и суда в городе: он угрожал штрафами сановным судьям, которые вздумали бы произносить приговоры, запретил казначеям делать вклады или производить выдачи из государственной кассы и приложил к ней свою печать.

Следует упомянуть еще о двух мерах Тиберия Гракха для того, чтобы дополнить картину широкого, почти всеобъемлющего характера его реформ. Во-первых, через народное собрание проходит закон о сокращении срока военной службы, затем закон об апелляции к народу от суда сановников. О последней мере наш источник (Плутарх) говорит лишь вскользь. Может быть, закон Гракха формулировал более точно и обставлял определенными гарантиями положение о личной неприкосновенности римских граждан, которое возводили к старинному *lex de provocatione* одного из основателей республики. Между тем и другим могло быть отношение, похожее на связь *Habeas Corpus* с неизвестным параграфом Великой Хартии. Закон Гракха вносил важный принцип: он признавал народ верховной судебной инстанцией; согласно же греческой политической теории, судебное верховенство народа составляет главный шаг к общему народному суверенитету во всей государственной жизни.

Как ни важен сам по себе аграрный закон Тиберия Гракха, его необходимо представить себе именно в обстановке этих других реформ, проектов и начинаний римской демократии. Так же как другие реформы Тиберия Гракха, он имел в виду удовлетворить широкие круги оппозиции. Общее содержание аграрного предложения Тиберия Гракха слишком известно, но неясны некоторые важные детали, а главное, много спора всегда вызывал вопрос о том, чьим интересам служила реформа и, обратно, какие общественные слои и в каком смысле были невыгодно задеты ею и должны были стать к ней в оппозицию?

Гракх предложил, исходя от принципа государственной, верховенства над *ager publicus*, ограничить право пользования землею из казенных угодий до 1000 югеров (250 десятин) на отдельных хозяев, ограничить права выгона на той же земле известным количеством голов скота и затем нарезать из полученных излишков крестьянские наделы по 30 югеров (около 7 десятин) в неотчуждаемое владение. Прежде всего, возникает вопрос, было ли это предложение об ограничении права крупных пользователей на оккупации или аренды и о разделе излишка безземельным и малоземельным новым шагом возникающей демократии, или же оно было повторением более старинной меры, реставрационной попыткой старшего Гракха, как говорит Моммзен?

В истории гражданских войн Аппиана и в Плутарховой биографии Тиберия Гракха почти в одинаковых выражениях говорится о проведенном трибунами, но забытом законе догракховского времени, который устанавливал норму в 500 югеров для крупных пользователей и ограничивал количество скота на общественных пастбищах. Оба историка сообщают только об ограничительном требовании закона, но не говорят о каких-либо наделах из излишков земли. Аппиан прибавляет даже, что до Гракхов никто не решался предложить экспроприацию посессоров, потому что изгнание их с тех земель, которые ими были возделаны и застроены, казалось делом нелегким и несправедливым. По мнению обоих историков, закон этот мог бы помочь бедным мелким владельцам и арендаторам государственной земли, да и помогал вначале, но его скоро стали обходить, крупные хозяева начали вытеснять мелких, на казенной земле возникли огромные владения, а вместо самостоятельно хозяйничающих крестьян стало возрастать количество сельского пролетариата.

Однако сведения об этом законе представляются весьма сомнительными. Странно уже то, что время издания закона совершенно неопределенно. По смыслу, он мог быть издан лишь среди злоупотреблений и захватов, т. е. лет 15–20 спустя после большой конфискации, следовательно, лет за 50 самое большее до предложения Гракха. Но о таком недавнем законе сохранились бы точные сведения, и в рассказе Аппиана и Плутарха были бы упомянуты авторы закона или указана его дата. Весьма мало также правдоподобно, чтобы такой закон могли провести трибуны в начале II в.: мы невольно спрашиваем себя, где же они нашли бы для его проведения нужные голоса: ведь много говорит в пользу того, что оппозиция впервые организовалась и сплотилась при Тиберии Гракхе; все впечатление от истории борьбы за аграрный закон 133 г. говорит в пользу того, что дело это было новым, революционным. Догракховский закон об ограничении оккупации, вероятно, принадлежит к области легенды, и притом демократического происхождения, легенды, старавшейся потом найти для Гракха и его дела закономерные прецеденты. С течением времени легенда стала искать опоры в более ранней эпохе, и у Ливия мы находим ее под именами трибунов Лициния и Секстия, отнесенной на два века назад, к борьбе патрициев с плебеями; сама возможность такого перенесения говорит в пользу того, что мы имеем дело со свободным творчеством политического романтизма. Но могла быть все же реальная основа, на которой выросло представление о старом ограничительном законе, и она, вероятно, сводится к следующему. Во время больших конфискаций конца III в., когда впервые была допущена оккупация в значительных размерах, могли установить максимальную норму для занятия земли; с другой стороны, может быть, при этом даны были со стороны правительства обещания произвести мелкие наделения, как это делалось раньше.

Устанавливая ограничение для крупных имений и для выгона больших стад, Гракх, может быть, опирался на норму эпохи конфискаций; в определении размера крестьянских участков, которые предполагалось нарезать из отбираемого у богатых излишка, он также, вероятно, возвращался к обычному старинному типу надела. Новизна заключалась не в этом техническом содержании реформы 133 г., а в ее политическом принципе. Сенат до сих пор распоряжался безгранично конфискациями земли, установлением условий их пользования, выдачи в оккупацию и в аренду, наделениями военных колонистов. Тиберий Гракх первый решился вырвать у сената это большое и важное ведомство. Трибун впервые предлагал народному собранию отнять у сената распоряжение казенной землей, объявить право народа на «общественное поле и на производство наделов». В аграрном вопросе повторилось то же, что было в финансовом, и там, и здесь сенат правил единовластно: в 133 г. Тиберий Гракх заявил притязание демократии на обе крупнейшие сферы государственного управления.

Кого имел в виду первый вождь римской демократии в предположенных задачах и наделениях? Аппиан, отличающийся от всех историков римской эпохи чуть ли не наибольшей отчетливостью при определении партий и социальных групп, все время говорит об ита-

ликах, о всей Италии, горячо заинтересованной в аграрной реформе. Ни в чем не видно, чтобы римские граждане были поставлены в особое привилегированное положение при наделении землей. В одной из речей Тиберий Гракх даже исключительно говорит об италиках, об оскудении и вымирании от малоземелья «этой полезнейшей для Рима нации, родственной по крови и особенно пригодной для военной службы». В рассказах о торжестве Гракха, когда ему удалось провести свой аграрный закон, есть такая любопытная подробность: народные массы – а в Риме собрались крестьяне со всех концов полуострова – провожают трибуна домой и славят его «воссоздателем не одной какой-либо общины, не одного племени, а всех народностей Италии»⁶. Вполне сходится с этой характеристикой картина, случайно сохранившаяся в отрывке Диодора. Выражения этого отрывка напоминают, скорее всего, поэму, автором которой был какой-нибудь горячий сторонник Гракха. «И стекались в Рим со всей страны массы, точно реки во всеобъемлющее море. Эти массы были исполнены горячего желания улучшить свое положение: они возлагали надежды на благотельный закон, на своего вожда, недоступного ни подкупу, ни страху, который решил положить все силы жизни, идти на все опасности, бороться до последнего издыхания за возвращение народу земли»⁷.

В проектах римской демократии вся крестьянская масса Италии выступала как одно целое, без различия полноправного гражданства, латинов и союзников. Сторонники реформы выводили право на получение наделов из военной службы, лежавшей на сельском населении, а римские командиры в провинциях, и впереди всех консервативный Сципион Младший, покоритель Карфагена и герой трудной испанской войны, должны были признать, что союзники несут одинаковую с римлянами или даже более тяжелую службу. Гракх ставил на очередь и вопрос о союзниках; он не требовал еще определенно включения их в римские трибы, допущения их к большим голосованиям в Риме, но он пытался уравнивать их с гражданами в самом важном практическом деле, в обеспечении землею. Римская демократия не могла чуждаться демократических элементов среди союзников. Гракх привлекал массы сельчан из разных частей Италии, и если не все могли по формальным причинам принимать участие в голосовании, то все же присутствие в городе италийского крестьянства должно было оказывать сильное давление и на римского горожанина, лишенного земельной жажды, и на сенатское правительство, состоявшее, главным образом, из обладателей крупных посессий.

Предложения Гракха имели в виду не только наделение малоземельных или безземельных, не только воссоздание исчезнувших крестьянских дворов. По-видимому, приняты были во внимание также сельские рабочие, которые не в силах были завести собственное хозяйство, но надеялись получить защиту от рабочего кризиса, вызванного громадной конкуренцией рабов. Правда, в изложении Гракхова закона историки не упоминают о сельских рабочих. Но свободные батраки, несомненно, разумеются в той речи Гракха, где он ссылается на тяжелое состояние Сицилии, вызванное именно преобладанием в плантациях привозных рабов. Сельские рабочие фигурируют также в легендарном законе, который античные историки предпосылают Гракхову. Там было будто бы положено, чтобы крупные хозяева нанимали определенное количество свободных рабочих, и притом для работ высшего порядка, для администрации и надзора за рабочими в имениях. Возможно, что соответствующая статья была и в законопроекте Гракха.

Кто же были противники реформы и как думали вожди демократии прийти к соглашению с ними? На первый взгляд кажется, что предложение Гракха об ограничении участков, которыми могли пользоваться отдельные лица из казенной земли, могло задеть лишь очень немногих магнатов. Оно было, по-видимому, направлено главным образом против крупного

⁶ App. I, 8, 9, 12.

⁷ Diodor, 34, 5.

экстенсивного скотоводства и имело в виду изъять обширные пустующие земли в пользу мелких хлебопашцев. Среднее имение в том размере, как нам описывает его Катон, укладывалось в рамки, допущенные законом Гракха: посессоры, занявшие не более 1000 югеров, могли ведь спокойно сохранить свои владения. Средний нобиль мог бы оставить без протеста аграрное предложение, тем более что Гракх обещал превращение оккупации, не переходящих нормы, в полное владение данных пользователей. Поэтому общее принципиальное решение прошло сравнительно быстро и без больших затруднений. В самом сенате были сторонники реформы: они могли руководиться военно-политическими соображениями. Последняя война в Испании показала, как трудно добыть охотников идти в далекие походы: теперь можно было создать приманку для солдат в виде последующего наделения землею, вернуться к старой политике устройства ветеранов.

Тем не менее, оказалось много лиц разных разрядов, задетых реформой. Как только приступила к делу комиссия триумвиров, избранная для определения излишков оккупированной земли и нарезки из них крестьянских наделов, немедленно обнаружились и широкие размеры предстоящего переворота. Особым законом комиссии было поручено расследовать и определить границы между частным владением и оккупированной казенной землей. Но после долгого и бесконтрольного хозяйничанья нобилей и снисхождений сенатского правительства это значило, что для оппозиции открывается возможность произвести пересмотр всех раздач и захватов, совершившихся за последние 60 лет, пересмотр прав на владение у большей части крупных и средних владельцев, воспользовавшихся обширными запасами конфискованной земли. Комиссия требовала предъявления документов на право владения. Но за давностью лет эти границы стерлись и перемешались: участки оккупированной земли перепродавались, дарились, переходили по наследству, отдавались в приданое. Фактические обладатели имений получали их иногда из вторых, третьих рук, заплатили за них капитал и не считали себя ответственными за первую оккупацию. В покупку земли, в мелиорации вложены были суммы, взятые в кредит. Все эти владения и капиталы подвергались опасности.

Комиссия триумвиров получила самые широкие судебные полномочия: она могла принимать жалобы о неправильном размежевании земли при первом разделе; вслед за производством следствия триумвиры могли предписать новый передел всей земли в известной округе. Подобные переделы сопровождались перемещением всех владельцев, причем оный мог с культивированной земли, с виноградника или оливковой плантации, с виллы, снабженной всякого рода инвентарем, попасть на совершенный пустырь. Можно представить себе крайнее раздражение хозяев катоновского типа. С другой стороны, были обеспокоены всадники-капиталисты, дававшие ссуды под залог земли, так как им грозила потеря долга. Наконец, расследования комиссии втягивали в круг спорных земель многие смежные участки, в свое время проданные или розданные союзникам.

Число недовольных, угрожаемых или сдвинутых со своего положения все возрастало. Гракх пытался примирить с неизбежным тех посессоров, которые лишались своих посадок, инвентаря, теряли капитал, положенный на мелиорацию имений: он предложил вознаграждение таким хозяевам, и запасы пергамской казны казались тут очень кстати. Но с италийцами, не принадлежавшими к составу римского гражданства, было очень трудно прийти к соглашению. Из общин, рассеянных по всему полуострову, являлись новые и новые жалобщики и просители. Они ясно делились на две группы так же, как римское гражданство: одни ожидали новых нарезок, другие протестовали, оспаривали отобрания, производимые римскими землемерами, но высказывались также против своих сограждан, малоземельных и безземельных, увеличенных движением римского крестьянства и требовавших таких же переделов в своих общинах и округах. Здесь римский трибун и римское народное собрание были бессильны сделать что-нибудь: италийские общины составляли автономные единицы, между ними не имелось соединительных органов и связей. Для того чтобы дать им правиль-

ное участие в решении общего земельного вопроса, их надо было бы принять в состав римского гражданства. Каждая из двух больших аграрных партий в среде союзников была по своему заинтересована в приобретении политических прав: одни – чтобы двинуть, другие – чтобы остановить аграрную реформу.

Гракх и его партия были, несомненно, за распространение гражданских прав на союзников; это видно из того, что 8 лет спустя гракханец Фульвий Флакк в свое консульство внес соответствующее предложение; это видно также из призывов, с которыми Гракх обращается к массам сельчан, когда надо было собрать силы для важного голосования; без сомнения, среди них были горячо ожидавшие наделов италии. Когда летние работы помешали им явиться в Рим к выборам трибунов, дело Тиберия Гракха оказалось потерянным: остался налицо только столичный народ, равнодушный к земельному вопросу, частью невыгодно задетый кризисом капитала, положенного в оккупированные и подлежащие отобранию земли; в коллегии трибунов получилось большинство, неблагоприятное для переизбрания Гракха, и он погиб, как частный человек, лишенный защиты священного авторитета, окружавшего избранника триб.

Тиберий Гракх захватил в своих проектах и начинаниях все группы оппозиции, все интересы недовольных правлением сената и сидевшего в нем нобилитета. Он впервые мобилизовал соединенные силы оппозиции: но при первом натиске она оказалась плохо слаженной; с силой столкнулись в ней самые противоположные интересы; ее деятельность была неправильна и прерывиста.

В реформе первого вождя демократии своеобразно сплелось старое и новое, политические традиции и революционные порывы. В отдельности требования, выставленные трибуном в 133 г., отвечали ясным желаниям отдельных элементов оппозиции, но их соединение под общими политическими символами и формулами представляется новым и неожиданным для малоподвижной римской среды. В пересказе историков деятельность обоих Гракхов, и особенно старшего, расцвечена множеством речей. Большая часть этих речей должна быть отнесена на счет известного литературного приема греков и римлян, который превращает мотивы действий в прямые обращения и драматические монологи действующих лиц. Но известную долю теоретических разъяснений, приписанных Гракху, все-таки можно признать подлинной, все равно, излагались ли они именно в такой форме перед народом или нет; без сомнения, общие политические и социальные идеи скрепляли обширный план, с которым выступала римская демократия в 133 г.

В свою очередь ясно, откуда идут теории, где заимствуются примеры и иллюстрации: это греческие общины с их социальной борьбой, это греческая ученая литература. Практическая программа римской демократии, конечно, выросла из особенных условий, созданных возникающей империей. Но в уяснении ее требований, в выработке политических реформ, в развитии теоретических толкований большое участие принадлежит грекам, демократам и социалистам. Политические эмигранты и странствующие риторы, т. е. преподаватели греческого государственного права, принесли зарождающейся в Риме демократии свой богатый опыт, свою искусную аргументацию и горячую убежденность. В биографии Тиберия Гракха упоминаются в качестве настоящих инициаторов аграрной реформы два ближайших друга его, ритор Диофан, эмигрант из Митилены, и Блоссий, уроженец греческой колонии Киме в Италии, учившийся у знаменитого Антипатра из Тарса. Блоссий был человек очень решительный, с независимым складом мысли и горячо преданный Гракху. В критический день выборов 133 г., когда суеверные римляне, окружавшие Гракха, испуганные приметами своей науки – наблюдения над птицами, стали удерживать его дома, Блоссий объявил, что будет стыдно народному вождю бояться какого-нибудь ворона, когда его зовут граждане на защиту их дела. Реакция потом неистово бросилась на этих греческих друзей вождя демократии. Диофан был убит, а Блоссия привели на допрос в сенат. Сципион Назика, убийца Тиберия

Гракха, хотел запугать Блоссия и заставить его сознаться, что будто бы Гракх приказал ему зажечь Капитолий; на это грек ответил словами, каких, вероятно, никогда еще не слышали в римской сановной коллегии: «Такого приказа Гракх не давал, но если бы он предписал подобную вещь, я счел бы за честь исполнить поручение, потому что Тиберий мог решить лишь то, что принесет благо народу»⁸.

На одном примере особенно ясно видна эта связь римской практической программы и греческой идеологии. Гракх предложил ввести для вновь создаваемых крестьянских участков начало неотчуждаемости. Видимо, мера была вызвана тем, что в предшествующую пору мелкие владения скупались очень настойчиво, и из них уже успели составиться крупные комплексы имений. Вместе с тем у богатых нобилей, завладевших большими долями казенной земли, уже обнаружилась сильная тенденция к тому, чтобы перевести имения в свою полную собственность. Вводя неотчуждаемость для новых мелких наделов, при условии постоянных взносов в казну, Тиберий Гракх восстанавливал верховное право государства на землю. Комиссия триумвиров по земельному делу уполномочивалась осуществить это право на всем обширном протяжении конфискованных земель. В речах Гракха перед народом, т. е. в теоретическом обосновании этой реставрации государственного верховенства над землей, мы встречаемся с формулами, которые звучат совсем как идея национализации земли. Наделы рассматриваются как доли общего достояния всего народа. Гракх спрашивает, обращаясь к массе: «Не будет ли требованием справедливости, чтобы общее владение народа распределялось на началах общности». В той же речи дальше наделенный государством крестьянин обозначен любопытным термином общинник, член коммуны. Та же мысль вложена в уста протестующих сельских пролетариев: они говорят, что не в силах выполнить свои повинности, не могут кормить семей, если у них не будет земли, и если, таким образом, «будет похищена приходящая им доля общественного достояния»⁹.

Перед этим первым натиском демократии сенат оказался в большом затруднении. Трибуны с народом заявили притязания на управление финансами и государственной землей – два сравнительно новые ведомства, возникшие вместе с империей, из самого имперского расширения, и в конституционных обычаях сенат не мог найти опоры для того, чтобы удерживать за собою захваченную им монополию. Вот почему влиятельные члены сената пытались вступить в компромисс с Гракхом, отговорить его от решительного шага. Позднейший историк гражданских войн, писавший после реакционной диктатуры Суллы, делает характерное замечание: «Я изумляюсь, – говорит он, – почему сенат, столько раз спасаемый среди подобных страхов неограниченной властью, не подумал на этот раз о необыкновенно для него полезном диктаторстве»¹⁰. Насколько мы можем судить, старинная диктатура была лишь высшей военной командой и не имела внутреннего социального назначения, нам понятно, почему «на этот раз сенат не вспомнил» о диктаторстве: он еще не дошел до мысли о социально-реакционном диктаторстве. Часть нобилей, по крайней мере, искала более конституционных средств защиты. Консул 133 г. Муций Сцевола отказался принять какие-либо насильственные меры против агитации и дебатов, происходивших на форуме при переизбрании Тиберия Гракха, и непримиримым со Сципионом Назикой во главе осталось только прибегнуть к дикой частной расправе над своими политическими противниками.

В трибунате Тиберия Гракха впервые и остро стали новые конституционные вопросы; в основе их лежала борьба различных групп гражданства из-за новых имперских богатств. На орудовании имперскими средствами возросла сила сенатской коллегии; теперь демократия оспаривала у нее эту область.

⁸ Plut. T.G. 8.

⁹ App. I, 10.

¹⁰ Ibid. I, 16.

Источники оставляют нас почти в полной неизвестности относительно партийной борьбы в десятилетие от смерти старшего Гракха и до вступления в трибунство младшего (133–123). Середина между двумя яркими драматическими трибунствами остается темной. Но по разрозненным данным можно судить, что демократическая партия не провела их даром, что она работала над организацией своей и старалась усилить авторитет органов народной воли. Близкий к Тиберию Гракху Папирий Карбон на другой год после его смерти предложил два важных закона: один вводил тайное голосование в законодательных комиссиях, т. е. обеспечивал свободу мнений в народном собрании; другой допускал переизбрание трибуна любое число раз.

Такое переизбрание раньше считалось, по-видимому, неконституционным. Трибунство Тиберия Гракха показало, как невыгоден краткий срок должностного года, как недостаточен он для проведения сложной реформы и как неудобен перерыв для правильного участия трибуна в администрации. Тиберий Гракх хотел уничтожить традиционную преграду фактическим переизбранием своим; его преемники предпочли легализовать переизбрание и дать возможность трибуну без риска перерыва продолжать свою деятельность. Это было вообще первым отступлением от годовых сроков и от частой смены административного персонала, которые утвердились в практике римской республики, и мы очень хорошо можем понять, каким образом демократическая партия пришла к этому новому принципу: она естественно искала противовеса постоянному авторитету медленно возобновляющегося сената, и она надеялась найти его в такой же постоянной коллегии трибунов.

Через год трибун Атиний особым решением народного собрания обеспечил правильное участие трибуна в заседаниях сената: трибуны были объявлены постоянными членами высшей административной коллегии, получили в ней место, тогда как раньше, соответственно своей традиционной роли, они лишь появлялись чрезвычайным образом в заседаниях и символически занимали место за порогом, у входа.

С другой стороны, аграрное законодательство Тиберия Гракха оставалось в силе, несмотря на гибель инициатора. Комиссия триумвиров по аграрному делу продолжала действовать. В какой мере настойчива была ее деятельность, можно судить по беспокойству владельческих слоев Италии, которые решили, наконец, искать защиты у самого влиятельного представителя аристократии, Сципиона Африканского, когда он вернулся с испанской войны. Сципион успел перед своей загадочной смертью добиться результата очень важного для всех посессоров, и римлян, и италиков: комиссия триумвиров была закрыта, а их полномочия переданы консулу, т. е. фактически все расследования о праве владения, все отобрания и раздачи земли прекратились. Демократическая партия оказалась теперь в большом затруднении; ее союзники на всем полуострове, крестьяне латинских колоний и италийских общин были от нее отрезаны; у римских демократов не было теперь средств помочь их земельной нужде.

При таком положении вещей необходимо было сделать дополнение к программе Тиберия Гракха и потребовать дарования гражданских прав союзникам. С таким требованием и выступил консул 125 года, Фульвий Флакк, в свое время заменивший Тиберия Гракха в комиссии триумвиров. По существу, это была все та же цель – распространить на всех италийских крестьян действие аграрного закона и помочь им из средств империи. Но прежняя цель являлась теперь в рамках широкой политической реформы, в виде преобразования избирательной системы и порядка голосования. Римская демократия ставила на первую очередь объединение демократических элементов всей Италии: с принятием италиков в римские трибы она надеялась дать полный перевес народному собранию и провести популярные социальные реформы.

Флакк, правда, взял свое предложение назад, но оно осталось крупнейшим политическим обещанием демократической партии. С новыми силами она готовилась к столкновению

с правительством нобилей. При избрании трибуном Кая Гракха в 123 г. мы находим оппозицию лучше организованной, чем за 10 лет до того. Демократическая партия привлекла на трибунские выборы в Рим совершенно необычайную массу народа. Для прибывающих из других городов и общин людей не хватало помещения в столице; а в день голосования большая площадь не могла вместить всех избирателей, многие расположились на крышах, на выступах зданий и оттуда подавали свои голоса. Мы находим также компетенцию народного собрания чрезвычайно расширенной. В двухлетнее трибунство Кая Гракха народ решает самые крупные вопросы провинциальной администрации и устройства Италии: народное собрание учреждает новый суд из всадников-капиталистов над нобилиями-командирами и администраторами; оно вводит новую форму финансового управления провинций посредством сдачи сбора подателей на откуп: оно решает крупные общественные работы в Италии, вывод колоний и переселений в провинции, определяет сроки военной службы, постановляет устройство хлебных раздач.

Вследствие этого полномочный представитель народной воли и руководитель коллегии трибунов Кай Гракх, приобрел совершенно исключительное правительственное положение. Сенат должен был допустить трибуна ко всем своим совещаниям, принимать его предложения в особенности по тем вопросам, которые раньше были в исключительном ведении сената. Его положение становится монархическим, говорит его биография, а прибавляет для иллюстрации факт действительно в Риме еще небывалый. Испанский наместник Фабий прислал из своей провинции хлеб, принудительно отобранный у общин. Это был самый обычный случай в практике римской военной администрации, и пропретор нисколько не сомневался, что угодит этой реквизицией своим равным, нобилиям, которые или вчера делали то же самое, или завтра то же самое повторят. Но Кай Гракх придал делу неожиданный оборот: он предложил сенату продать присланный хлеб и вернуть его стоимость деньгами тем общинам провинции, которые обложил наместник, а его самого притянуть к суду за то, что он вызвал в подданных ненависть к власти римлян. Нобили должны были скрыть свои чувства и выдать своего коллегу. Трибун резко и настойчиво вмешался в администрацию провинций и заявил новый принцип отношений к подданным. Некоторое время спустя Кай Гракх сам, не отказываясь от трибунства, отправился за море в Африку для устройства в этой провинции обширной колонии на месте разрушенного Карфагена. Опять совершенно небывалое явление: авторитет трибуна считался ограниченным тесным кругом римского померия, старой городской черты, а теперь он передвигался вместе с комиссарами по устройению гражданской колонии в область военной команды, начальник которой привык давать отчет только сенату.

Не меньшим переворотом было вмешательство главного трибуна в управление Италией. Кай Гракх задумал обширные общественные работы и сооружения: особенно важно было проведение новых дорог и улучшение старых, постройка общественных магазинов в связи с новой организацией хлебоснабжения. Эти предприятия, работы и подряды поставили под его начало большое число всяких интеллигентных специалистов, нанимателей, рабочих и местных властей. «Поразительно было это невиданное еще зрелище, когда его окружала масса подрядчиков, техников, делегатов от общин и муниципальных советников, военных людей и литераторов, которые от него зависели, причем он умел со всеми быть обходительным, соединяя достоинство с доступностью, всякому отдавая должное; он наглядно опровергал этим тех обвинителей, которые изображали его резким, бестактным и деспотичным. Благодаря всему этому он привлекал к себе массу не только речами с трибуны, сколько ежедневными сношениями с людьми и распределением между ними дел»¹¹. В последних словах биографа очень ясно отмечена новая административная роль трибуна, ставшая в тень даже его агитационную и законодательную деятельность. Трибунская власть

¹¹ Plut. G. G. 6.

никогда ни до, ни после этого времени не поднималась до такой силы. При консульских выборах 122 г. ожидали, что Кай Гракх зараз будет искать трибунства и консульства. Среди великого напряжения массы он, однако, выступил с рекомендацией другого лица, Фанния, в качестве кандидата на консульство. Этого было достаточно, чтобы создать Фаннию, до тех пор неизвестному, большую репутацию. Трибун явно сделался патроном консула, высшей административной должности в государстве. Впечатление в Риме от этих перемен было огромно, и Кай Гракх старался внешним символическим образом закрепить народное настроение и совершившийся переворот. Между тем как раньше ораторы говорили с трибуны, обращаясь лицом к зданию сената и вовнутрь комиций, т. е. огороженной перед сенатом площадки, Кай Гракх первый стал говорить лицом к форуму, обернувшись наружу к народной массе; по его словам, «в этом небольшом повороте головы и изменении позы заключалось очень многое: он означал превращение государственного строя из аристократии в демократию, где ораторы должны помнить об интересах массы, а не сената»¹².

Оппозиция торжествовала в 122 г. крупнейшие свои успехи. Под руководством Кая Гракха она была несомненно сильнее, чем при его старшем брате. Но в то же время стали резче обнаруживаться различные и даже противоположные течения, которые в ней заключались. Тиберий Гракх проводил важнейшие меры при помощи голосов крестьян. В известные сроки, на определенные моменты их приходилось сзывать особыми приглашениями; в горячие дни летней работы они вовсе не приходили. С этим материалом трудно было осуществлять быструю решительную и общую демократическую реформу. Кай Гракх стал опираться преимущественно на городские круги Рима, и особенно на капиталистов-всадников, которые в свою очередь добивались участия в эксплуатации империи и расширения своих операций на провинции.

Судебная реформа, объявленная еще Тиберием Гракхом, открыла всадникам широкое участие в политике. Теперь они, помимо суда над провинциальными наместниками и их финансовым управлением, получили в свои руки все судебное разбирательство над римскими гражданами и над италиками, бывшее до тех пор в ведении сената. Всадники приобрели большую силу в республике. Организованные в крупную корпорацию, они оказывали вождю оппозиции главную поддержку в голосованиях народных собраний. Судебная монополия всадников, сменившая судебную исключительность сената и нобилей, сама по себе составляла для них большой экономический выигрыш; в процессах, разорявших нобилей, частные обвинители, те же всадники, обогащались из штрафов, залогов и взысканий. Но обладатели денежного капитала в Риме, занявши фактически господствующее положение в республике, воспользовались им, чтобы обеспечить себе еще большие материальные выгоды. Они добились перемены финансового управления в богатой провинции Азии; вместо системы раздробленных взносов с общин здесь была введена однообразная для всей области десятина, и капиталисты получили ее на откуп. Без сомнения, казна должна была выгадать при этом гораздо больше, чем при управлении военных командиров; откупщики сильнее напрягали платежную способность подданных. Но и интерес римских капиталистов был велик; поставленные вне всякого контроля, они уговаривались с отдельными общинами провинции, давали в случае нужды кредит для уплаты государственной повинности и превращали плательщиков налога в своих должников.

Большие сооружения в Италии также приходились на пользу всадникам. Кай Гракх немало должен был заплатить подрядчикам и поставщикам, которые строили и чинили дороги, брали на себя подвоз хлеба и устройство больших запасных магазинов. В этом смысле капиталисты могли надеяться на новый выигрыш при устройении заморской колонии в Африке и перевозке колонистов. Этот новый город, Юнония, проектированный Каем Грак-

¹² Plut. G. G. 5.

хом на месте Карфагена, разрушенного за 25 лет до того, задуман был вовсе не в виде аграрной колонии для крестьян, а скорее в виде обширного нового центра обмена, туда предполагалось везти людей хорошего состояния.

Успехи всадников-капиталистов, составлявших главную опору демократической партии, большею частью оплачивались напряжением империалистической системы, отягчением участи подданных Рима. Со времени Кая Гракха римская демократия еще в одном отношении и уже непосредственно заставила служить себе империю: хлебородные провинции были обложены новой тяжелой повинностью поставки в Рим дешевого, а потом и дарового хлеба для столичного населения.

В сравнении с эпохой старшего Гракха теперь, в конце 20-х годов, выдвинулись на первое место и другие элементы оппозиции, и другие вопросы. Вожди демократической партии были так увлечены политической и административной реформой, так много уступили капиталистам, что аграрный вопрос как будто отодвинулся на второй план.

Нельзя сомневаться в том, что у Кая Гракха была в виду широкая аграрная реформа. В Новое время найдены пограничные камни, прямые следы межевания государственной земли, производившегося младшим Гракхом в области гирпинов, недалеко от той местности Лукагии, которую хотел воспользоваться Тиберий Гракх. Следовательно, была восстановлена также аграрная комиссия со всеми ее широкими полномочиями. Аграрная реформа была, однако, поставлена иначе, чем при старшем брате. Со времени предложения Фульвия Флакка в 125 г. аграрный законопроект превратился в союзнический: с начала расширение политических прав, распространение их на массу италиков, затем наделы и устройство крестьян на казенной земле. В этом смысле Кай Гракх и возобновил предложение Флакка о даровании прав римского гражданства союзникам.

Какая судьба постигла это предложение и какую роль оно сыграло в борьбе партий и дальнейшей эволюции демократии? Обыкновенно указывают на то, что против принятия союзников в состав римского гражданства была римская *plebs urbana*, столичное бедное население, мелкий люд, которому угрожала потеря исключительного права на раздачу из казны. Но раздачу в виде дешевого хлеба только что начались в это время, и едва ли такое отдаленное соображение, что от дарования политических прав союзникам явятся в Рим новые конкуренты на получение хлеба и стеснят римских пролетариев, могло вызвать страхи в низших классах населения Рима. Вопрос об уравнивании союзников в политических правах, который был главным образом аграрным вопросом, едва ли задевал ремесленников, лавочников, перевозчиков, каменщиков и прочих мещан и рабочих Рима; скорее он затрагивал интересы совсем других групп гражданства, именно капиталистических его слоев.

Чтобы понять занятую ими позицию, необходимо вернуться к аграрному предложению Тиберия Гракха и взглянуть на него с точки зрения общефинансовой, государственно-хозяйственной. Образование империи, т. е. посторонних владений, приводило Рим к новой финансовой системе: вместо натуральных повинностей, личной военной службы крестьян и вместо собираемых с владельческих групп чрезвычайных налогов, должна была возникнуть постоянная казна и постоянный широкий бюджет, который давал возможность иначе поставить войско и внешние экспедиции, вести их более широко и последовательно. В новом бюджете немалое место должен был занять и доход с казенных земель, и притом главным образом от их продажи и сдачи их в аренду. Но правящий класс, нобили, сами в интересах своих частных выгод лишали государство большей части этого дохода: многие из них бросились на самый дешевый способ эксплуатации казенной земли, разобрали ее в беспорядочное оккупационное пользование и вели большею частью также самое дешевое, малоинтенсивное пастбищное хозяйство. Тиберий Гракх своим предложением об ограничении размеров оккупации и раздроблении казенной земли на мелкие наделы не ухудшал финансового положения, но и не улучшал его существенно: едва ли могли быть велики те арендные взносы,

которые стали бы платить вновь посаженные на «общественном поле» мелкие наследственные пользователи. Вероятно, главная их повинность государству должна была состоять в их личной службе, в обязательной поставке солдат с новооснованных дворов; может быть, гракховские колонии были задуманы в виде военных поселений на манер нашего казачества, австрийской военной границы или византийских стратиотов, мелких ленников IX–XI вв. по Р.Х. В смысле общей хозяйственной политики государства гракховская реформа была скорее поворотом назад, к доимперским порядкам.

Пока у Гракха противниками были только нобили, участники оккупации и сомнительные хозяева, им трудно было привести какие-либо возражения с точки зрения государственных интересов. Но, как мы видели, действия аграрной комиссии с неизбежностью затянули в пересмотр и другой круг хозяев, представителей рациональной культуры, работавших со сложением капитала. Задеты были проектом о мелких наделах и крупные арендаторы капиталистического типа, снимавшие землю у государства или у посессоров, а также ростовщики, кредитовавшие хозяев: и это потому, что сторонники гракховской реформы готовы были использовать, возможно большие запасы казенной земли и изъять все, что не было покрыто оккупационной привилегией в норме 1000 югеров. Ко времени Кая Гракха владельцы денежного капитала получили новое политическое значение, участие в законодательстве и администрации. В их лице выступила и новая группа противников аграрного закона. Вместе с земледельцами – представителями интенсивного хозяйства, они могли занять более выгодное положение в споре, аргументировать с большею последовательностью и более убедительно ссылаться на финансовые интересы государства, которые пострадают от возвращения к устарелой системе военно-крестьянских поселений. Вероятно, по этому поводу велось много дебатов и выставлялись обстоятельные теоретико-финансовые соображения. Они не дошли до нас в прямом виде, но их отзвук можно видеть в одном курьезном месте у позднего писателя Дионисия Галикарнасского, который вставляет в рассказ о борьбе патрициев с плебеями все, что ему известно о социальных программах, теориях и агитации последнего столетия республики.

У Дионисия дело идет о легендарном аграрном законе Спурия Кассия (под 485 г. до Р.Х.), но говорится о наделении бедных и малоземельных крестьян из обширной казенной земли, об участии в долях римских граждан и союзников, т. е. как раз о том, что было на очереди в 20-х годах II в. В сенате тоже есть колеблющиеся, но выступают и резкие противники наделов, и один из них Аппий Клавдий, говорит так, как бы мог в эпоху Кая Гракха говорить финансист капиталистического направления. Он, прежде всего, ставит на вид всю важность *agri publici* для государственного бюджета. Это достояние необходимо беречь и наивозможно лучше эксплуатировать. Следует поручить особой комиссии произвести полную и точную опись казенных земель, правильно их обмежевать, затем – деталь очень любопытная для точки зрения ловкого и экономного финансиста – следует продать все спорные участки, чтобы отделаться от тягости процессов и переложить их на долю частных лиц. За выделением же спорной земли не может быть колебания относительно способа эксплуатации домена: его надо отдавать большими участками в крупную аренду, и только такое пользование будет производительным.

Капиталист готов принять демократическую формулу национализации казенной земли. Да, конечно, земля, в принципе, составляет общее владение, потому что приобретена она великими жертвами и усилиями всего народа. И, конечно, когда неимущие видят, что национальный запас беспорядочно расхищается (оратор разумеет оккупацию), они возмущены и начинают требовать всеобщего передела и поголовного наделения всех земельными участками. Не трудно, однако, показать недовольному бедному человеку, в чем заключается ошибка таких требований. Ведь на небольшом клочке мелкий хозяин едва в состоянии будет просуществовать, не говоря о притеснениях и захватах со стороны соседей; его взносы в

казну будут ничтожны. Другое дело большие комплексы имений, где можно завести высокие и производительные культуры. Они дадут очень большие доходы государству. Введением капиталистической аренды, поощрением рационального хозяйства можно, следовательно, прекратить агитацию в пользу всеобщего передела. Национальное достояние не отнимется у народа, оно только умножится и получит более производительное применение. Те же бедные люди, которые бились бы в напрасных усилиях на своих жалких земельных отрезках, получают из казны, наполняемой взносами капиталистов-хозяев, хорошее жалованье в качестве солдат, провиант из больших запасных магазинов, у правительства будет возможность производить все необходимые заготовки для крупных экспедиций.

Аргументация очень интересна и напоминает рассуждения пророков и философов капитализма в Англии и Франции конца XVIII в., когда дело шло о вытеснении с земли мелкого собственника и мелкого арендатора во имя усиленного дохода и рациональной агрономии, доступных только крупным хозяевам. В гракховском Риме капиталисты делают ту же уступку демократической фразеологии; они берут тот же либерально-филантропический тон: пусть крестьянин сам убедится, что ему выгоднее быть превращенным в наемного рабочего. У них та же самая искусная ссылка на совпадение интересов государственных с интересами крупных пользователей: государство будет несравненно богаче при концентрации капитала в руках немногих, напротив, всеобщее уравнивание владений может быть только всеобщим оскудением.

Если приведенные рассуждения действительно принадлежат времени Кая Гракха, то можно себе представить, какое крупное разногласие обнаружилось в рядах демократической партии. Самые влиятельные люди в ее среде оказывались противниками проектированной старшим Гракхом раздачи земли в мелкую наследственную аренду. Они, конечно, были также против дарования прав гражданства союзникам, так как следом за этим уравниванием ожидалась та же раздача мелким хозяевам. Во внимание к капиталистическому крылу партии Кай Гракх, вероятно, изменил постановку земельного вопроса. Иначе трудно объяснить, как мог у него явиться конкурент на этой почве в лице трибуна Ливия Друза, выставленного правительством и предлагавшего широкую крестьянскую колонизацию в самой Италии.

Разногласие в среде демократии дало возможность правящему классу нобилей выйти из оцепенения. Сенат направил усилия к тому, чтобы отвлечь известные группы от коалиции противников, чтобы образовать среди других классов правительственную партию. Так появилась против демагогии радикальной, пытавшейся соединить интересы капиталистов, крестьян, ремесленников, городских и сельских пролетариев демагогия консервативная. В лице Ливия Друза она старалась отвлечь от Кая Гракха группу крестьян, возобновляя перед ними программу старшего Гракха, отодвинутую временно младшим. В то время как Кай Гракх предлагал устроить на государственной земле новые индустриально-торговые центры и с этой целью возобновить города Капую и Тарент, причем имелись в виду люди с капиталом, Ливий Друз объявил, с согласия сената, о своем намерении вывести в Италии 12 колоний для бедных, т. е. устроить крестьянские поселения. Интересна еще одна черта различия между трибуном оппозиции и трибуном правительственной партии. Кай Гракх в духе финансовых идей капитализма настаивал на обложении новых колонистов и пользователей государственной землей взносами в пользу казны; Ливий Друз, принимая на вид более демократическую позу, обещал освобождение колонистов от всяких взносов: иными словами, он предлагал отвод земли мелким хозяевам в полную собственность. Казалось, часть нобилей готова была сделать крупную уступку крестьянству – отдать ему часть свободной еще государственной земли, чтобы сохранить за собой оккупированные владения. Но если судить по законодательству, которое очень скоро последовало за гибелью Кая Гракха, жертва со стороны крупных владельцев не была так велика, а освобождение новых колонистов от взносов в казну было опасной для них самих привилегией.

Непосредственно за смертью Гракха прошел закон, отменивший неотчуждаемость участков, выданных из казенной земли: это было лишь естественным следствием освобождения от взносов и объявления мелких участков полной собственностью их владельцев. Можно представить себе, как крупные посессоры, пользуясь нуждой мелких хозяев, бросились скупать их участки и как вновь начался рост больших имений, остановленный гракховскими ограничениями. Следующий закон (*lex Thoria* 118 года) подвел принципиальный итог всей этой политике нобилей, спасавших свои оккупации: он объявил перевод оккупированной государственной земли в частную собственность совершившимся фактом и утвердил всех наличных пользователей в их владении. После этого ни о каком ограничении размеров оккупационных имений и отобрании излишков не могло более подыматься и речи. Закон Тория прекратил также деятельность аграрной комиссии по переделам и отводу крестьянских участков, учрежденной старшим Гракхом.

Историк междоусобных войн прибавляет к этому любопытную подробность: трибун, предложивший последний закон, поставил в условие посессорам – уплачивать в казну как бы выкупную сумму за переход владения в собственность с тем, чтобы получения эти шли на общенародные нужды и раздавались бедным гражданам. В этом ограничении можно узнать отзвук демократических теорий в их капиталистической окраске: государственная земля должна быть использована, как национальное достояние; ее эксплуатация будет более производительной в руках немногих крупных могущественных владений; бедные граждане получают больше посредственно через казну, чем прямо в качестве самостоятельных хозяев. Консервативная демагогия, видимо, продолжала свое дело: она заимствовала у своих противников еще один мотив, именно, аргументы в пользу рациональной постановки финансов в связи с содержанием бедных на счет государства, и при помощи этого мотива сделала последний шаг к закреплению старых оккупаций и окончательному разделу государственного земельного имущества. Правда, она очень скоро нарушила свои обещания. Закон 111 года отменил взносы посессоров с бывших оккупационных земель, установленные в 118 году. Казне снова грозил убыток от уступки дохода с земель в пользу господствующего класса. Земледельческая реакция нашла однако средство успокоить капиталистов, которые жаловались на невыгодную постановку финансов: желая сохранить во что бы то ни стало свои оккупации в Италии, крупные посессоры отдали в продажу (силою того же закона 111 года) обширные территории «общественного поля» в провинциях.

Нам пришлось зайти несколько вперед, перешагнуть эпоху Гракхов для того, чтобы выяснить очертания и судьбу аграрного вопроса до большого общеримского движения начала I в. Оппозиция выступила в 134 г. против расхищения казенной земли нобилем, против оккупации, ссылаясь на то, что они мало доходны для государства и в то же время разрушительны для крестьянского хозяйства. Но в этом походе демократии случайно и чисто внешним образом соединились два разных направления: реставраторов крестьянства и сторонников капиталистического хозяйства. Вместо двух партий по этому вопросу оказались три, и это обстоятельство открыло возможность новых политических комбинаций: угрожая в своем политическом и социальном положении крупный нобилитет воспользовался расколом в среде демократии и попытался привлечь на свою сторону крестьянские элементы ее. В свою очередь, капиталистические слои оппозиции, римские всадники, заинтересованные прежде всего в сохранении своего нового политического и административного положения в империи, не расположенные и без того к крестьянским наделам, выпустили аграрный вопрос из своих рук и отдали эту позицию нобилитету. Они удовлетворились крупной продажей провинциального *agri publici*. Гракховская реставрация крестьянства была этим похоронена, и в аграрных отношениях фактически восторжествовал тот порядок, который стал складываться еще в первой половине II века.

Разлад оппозиции был причиной трагической катастрофы крупных вождей демократии 20-х годов, Кая Гракха и Фульвия Флакка. Ближайшие условия падения партии гракханцев совершенно неясны. В биографии Плутарха и даже в богатой, вообще говоря, социальными фактами истории Аппиана драматические эпизоды, психологические моменты совершенно заглушают очертания партийной борьбы. Каково было положение разных групп оппозиции в решительную минуту? Одна подробность известна. Консул Опимий отдает всадникам приказ явиться каждому с двумя вооруженными рабами на помощь сенату. Если правительство находит возможность довериться всадникам, то они, по-видимому, отступились от Гракха и Флакка. Итак, вожди демократии могли опираться лишь на низшие классы. Но что они замыслили, собирая в свою очередь вооруженные силы, занимая то Капитолий, то Авентин? Завладеть городом, государственной казной, назначить временное правительство и произвести демократический переворот с отстранением сената, допущением союзников к гражданству и обширным наделением малоземельных? Все это остается совершенно неизвестным. О серьезности момента дает понятие поведение сената и главы исполнительной власти.

В первый раз в Риме правительство вводит чрезвычайное военное положение. В 133 г. консул Муций Сцевола не усмотрел в агитации Тиберия Гракха и его сторонников мятежа и не нашел основания для применения военной силы. Консул 121 г. Опимий, напротив, в качестве резкого врага демократии, выпросил у сената чрезвычайные полномочия для подавления движения в городе. Мы знаем это римское «положение о чрезвычайной охране» из формулы, в которой Цицерон получил от сената в 63 г. поручение подавить мятеж катилинариев. Вероятно, в 121 г. эта формула впервые была применена: «Консулу дали полномочия принять все, какие возможно, меры для спасения государственного порядка, и расстроить попытку тирании». «Попытка тирании» в политической терминологии того времени означала приблизительно наше «ниспровержение существующего строя». В этом первом сражении гражданских войн римские солдаты не участвовали ни с той, ни с другой стороны; защитники римской демократии были перебиты критскими стрелками, т. е. иностранным наемным отрядом.

Чрезвычайная власть, которою был облечен консул Опимий, составляет первое в Риме появление социально-реакционной диктатуры, хотя этот титул был применен лишь 40 лет спустя при Сулле. Эта диктатура не военного происхождения. Она не принесена счастливыми командирами с завоеванных окраин, а сложилась во внутренней борьбе, задолго до появления колониальных императоров и возникла в качестве измышления аристократии, испуганной за свои привилегии; она не была ответом на какие-либо насилия со стороны оппозиции; демократия не успела выступить из границ закона. Но на ее расширившуюся агитацию, на рост ее организации правительство нобилей не умело ответить также закономерной политикой; аристократия закрепила свое политическое бессилие применением грубой внешней силы.

Реакция 121 г. унесла больше жертв, чем 133 г., разгром римской демократии был еще резче, она потеряла самых выдающихся своих вождей вместе с наиболее активными сторонниками, которые были осуждены чрезвычайными судами и казнены в числе нескольких тысяч. Но полной победы правительство сената все же не одержало. Правда, главная опасность — распространение прав гражданства на всю Италию — была отстранена. Но сенат утратил монополию финансов, распоряжение самой богатой провинцией; административная деятельность его была связана и стеснена всадническими судами. Народное собрание сохранило в принципе право вмешиваться в дипломатию, в управление провинциями, в распоряжение казною, в устройство колоний и наделов. Когда стали забываться панику, вызванную гибелью гракховской партии, трибуны опять подняли жгучие вопросы общей политики, и опять нельзя было найти конституционные препятствия для их вмешательства в дела.

В какое беспомощное положение мог иногда стать сенат по отношению к народному собранию и трибунам, показывает сцена 119 г., два года спустя после смерти Кая Гракха, когда трибун К. Марий терроризировал аристократическую корпорацию. Марий предложил народу закон, расширявший силу народного суда в ущерб авторитету сановников. Консул Котта, обеспокоенный этим плебисцитом, провел в сенате отмену его и вызвал Мария к ответу. Явившись в сенат, Марий обратил внимание консула на уничтожение сенатского декрета и пригрозил в случае отказа заключением самого консула в тюрьму. Котта в замешательстве апеллировал к мнению одного из старейших сенаторов, Метелла, при благосклонном покровительстве которого Марий прошел в свое время в трибуны. Метелл стал говорить в пользу консула, Марий вызвал в сенат ликтора и приказал ему отвести Метелла в тюрьму. Метелл пытался еще найти защиту у других трибунов, но никто не заступился за него, и сенат должен был отменить свое постановление, т. е. принять плебисцит.

Другой эпизод, разыгравшийся немного позже, показывает, в какой мере слабо было конституционное положение сената. Трибун Сатурнин предложил закон о даровой раздаче хлеба бедным гражданам. Так как это был, прежде всего, финансовый вопрос, в сенате выступил с возражением городской квестор, т. е. заведующий казначейством, Цепион. Квестор ссылаясь на то, что казна не в силах выдержать подобный расход: под влиянием его речи сенат постановил в случае, если проект будет внесен на голосование народа, считать инициатора нарушителем конституции. Сатурнин, не стесняясь сенатус-консультум, внес свое предложение и начал отбирать голоса, несмотря на то, что его коллеги, другие трибуны, присоединились к решению сената и заявили протест. Цепион, его главный противник, считая, что игнорирование сенатского постановления и протеста других трибунов составляет кричащее нарушение конституции, в свою очередь решил сорвать незаконное в его глазах собрание: он собрал толпу единомышленников, ворвался в среду голосующих, спутал мостки, по которым двигались участники собрания к урнам, разбил баллотировочные ящики и остановил все производство. Однако Цепион оказал этим плохую услугу сенату: дело кончилось тем, что его самого привлекли к суду за оскорбление величества народа римского.

Этот случай показывает, что право возражения со стороны сената на решения народа не было обставлено ясными и прочными конституционными прецедентами. Во всяком случае, демократия успела выработать свою политическую традицию, равносильную аристократической, и с успехом защищала ее. Из того же эпизода видно, что вопросы, по поводу которых возникло столкновение, были новыми в политической практике, что они впервые ставились самой усложнившейся жизнью. Читая позднейших историков и публицистов, выстроивших картину легендарной конституции, мы узнаем, правда, что все это уже было решено и предусмотрено в старинном политическом строе Рима. Но римские политики конца II в. еще ничего не знали о предполагаемых прецедентах и должны были биться не историческими, а рациональными аргументами.

Вся сила нового режима, созданного Каем Гракхом, ярко выступает в событиях 10-х годов II в., среди затруднений, которые создал Риму нумидийский царь Югурта и в последующей войне с ним. Стесненная контролем всаднических судов и интерpellаций народного собрания, аристократия бросается на окольные пути политической интриги. До Рима доходят слухи о неправдоподобных скандалах африканской войны. Оказывается, что нобили заключали частные соглашения с богатым и предприимчивым нумидийцем, вели тайные переговоры с его делегатами, получали подарки, премии и взятки, вели на месте военных действий торговлю с врагом, продавали ему припасы, пленных, орудия. Все злоупотребления этой дипломатии и войны на дальней окраине раскрываются перед народом стараниями популярных трибунов. Бесперывно в Риме созываются многочисленные митинги. Одно время на них выступает главным оратором Меммий, только что выбранный,

еще не вступивший в свои обязанности трибун – интересная частность, которая указывает на большую свободу слова и сходов, фактически существовавшую в то время в Риме.

Под влиянием Меммия народ решает, помимо сената и в знак недоверия к сенатской делегации, послать своего собственного уполномоченного в Африку для вывоза Югурты в Рим «с ручательством неприкосновенности от имени народа», а вместе с тем для того, чтобы вскрыть злоупотребления дипломатической миссии, имевшей во главе самого «первого сенатора» Эмилия Скавра. Югурта приезжал в Рим, и в собрании происходит знаменитая сцена народного суда над царем. Взволнованный народ, под впечатлением возмутительных африканских интриг, хочет немедленного заключения царя в оковы. Трибуну Меммию стоит великих усилий убедить массу произвести правильный допрос и добраться до истинных виновников; он сам вводит Югурту в собрание и торжественно требует ответа. Допрос, однако, не удастся: нумидийский царь успел подкупить другого трибуна, и при всяком обращении Меммия коллега приказывает Югурте молчать. Толпа приходит в неописуемую ярость, грозит и нападает на подсудимого; но царь и другие соучастники великого скандала выходят невредимыми, и народ покидает собрание, обманутый в своих ожиданиях.

Когда военные операции против Югурты завершились позорной капитуляцией консульского войска, трибун Мамилий провел в народном собрании требование, чтобы все участники похода были отданы под суд. Сенат должен был выдать своих коллег и претерпеть ряд оскорбительных для него процессов. Самые крупные нобили были отданы в жертву демократии; между ними Сервилий Цепион, непримиримый аристократ, пытавшийся вернуть сановной коллегии суды. Цепион лишился всех должностей, его имущество было конфисковано, сам он подвергся изгнанию. Даже когда аристократии удалось выдвинуть для войны в Африке действительно способного и честного человека из своей среды, Метелла, он не смог долго удержаться. У Метелла явился опасный соперник в лице его собственного помощника Мария, уроженца глухого городка Средней Италии, человека, выбившегося из низших чинов и занимавшегося когда-то откупам. С неподражаемым искусством рисует нам Саллюстий высокомерного аристократа Метелла, которому не могло прийти в голову, что какой-то патронируемый им плебей считает себя пригодным для высшего звания консула; довольно с него чести поддерживать на выборах аристократического подростка, сына своего патрона, молодого Метелла. Но плебеи уже дерзали на высшую должность, и в лице Мария в первый раз демократическая партия провела на консульских выборах «новичка».

История избрания Мария дает нам возможность заглянуть и в обстановку римских выборов того времени. Марий проходит при поддержке двух разрядов граждан: во-первых, солдат, среди которых он уже давно пользовался известностью, как человек, прошедший все трудности службы и знакомый с лагерным бытом; во-вторых, негоциаторов и ростовщиков, в большом количестве заполнявших города провинции Африки и соседней части Нумидии. Недовольные управлением Метелла и затяжкой войны, они готовы были всеми силами поддержать его конкурента. Те и другие, солдаты и денежные люди, пишут в Рим своим близким, товарищам и единомышленникам и энергически рекомендуют избирателям стоять за хорошо им известного Мария. В Риме эти рекомендации производят решительное впечатление, горячо стали за Мария, и он прошел. Избрание Мария решало вопрос о командовании в нумидийской войне. Сенат еще раньше высказался за продолжение полномочий Метелла. Но победоносная демократическая партия довела дело до конца. Трибун спросил народ: кому поручается война с Югуртой? И огромное большинство высказалось за Мария. Решение сената, до тех пор бесконтрольно раздававшего командования и провинции, осталось бессильным. Народ в первый раз распорядился назначением главнокомандующего.

У Саллюстия Марий произносит перед избирателями в Риме речь, которая, конечно, заключает в себе лишь обычную драматическую разрисовку положения и целиком принадлежит автору: там есть резкие выходы против аристократии, есть демократически гордая

фраза «мои раны на груди – вот мой герб, мой дворянский титул», есть обещания вернуться к чистым и строгим нравам предков. Но в этой Саллюстиевой композиции есть одно выражение, которое звучит как подлинное, все равно, сказано ли оно было Марием или кем-нибудь другим из представителей демократии. Марий обещает народу, что его управление будет *utile, civile imperium*. Переводить «гражданский характер управления» в противоположность «военному» здесь не имело бы никакого смысла; ведь дело идет, прежде всего, о командовании, наборе, организации войска, ведении трудной кампании. Очевидно, в термине *civile imperium* ударение лежит не на содержании власти, а на источнике ее: это – поручение, полученное не от коллегии сановных людей, а от всего гражданства, от верховного народа.

Народ проявил большую верность к своему избраннику. С нетерпением дожидались возвращения Мария из Африки, чтобы послать его против страшного врага на севере, кимвров и тевтонов, угрожавших всей земледельческой Италии, и по окончании нумидийской войны, без перерыва, было возобновлено его консульство; в течение Северной войны его выбирали еще три раза, нарушая старый конституционный обычай, не допускавший переизбрания. Аристократии и здесь оставалось только подчиниться.

На чем основывались все эти успехи демократической партии? Из кого набирались ее кадры в это время? В аграрном вопросе после смерти Кая Гракха одна неудача следовала за другой, крестьянские элементы были отодвинуты от политики и по-видимому лишь в 100 г. удалось Аппулею Сатурнину снова организовать массы сельского населения. Процессы крупных нобилей, проведение Мария в консулы, неконституционное повторение его консульства, все это было делом всадников и тех кругов преимущественно столичного населения, с которыми они стояли в связи и сношениях. Располагая политическими судами и направляя голосования народного собрания, обладатели денежного капитала составляли как бы второе параллельное сенату правительство. Их сила опиралась на развитие империи, сложившейся в 40-х и 30-х годах II в. и отданной в значительной мере в их распоряжение. В этом отношении закон Кая Гракха, предоставивший всадникам суд над администраторами провинции, имел решающее значение. «Провинциальные откупщики были компанейщиками римских судей и делали, что хотели, наполняя провинции произволом и преступлениями»¹³.

Крупные барыши, которые давало новое провинциальное управление, привлекали все больше и больше пайщиков из среды деловых людей, принимавших деньги в залог, занимавшихся ссудами, и вообще всех тех, кто имел сбережения. Постепенно рядом с первостатейными капиталистами образовался еще второй слой денежных людей, так называли в Риме *tribune aegrarii*. Это имя указывает, может быть, на их происхождение из своеобразных порядков старинного сбора чрезвычайного налога по трибам. Первоначально *tribune aegrarii* могли быть податные старосты, отвечавшие перед правительством за платежную исправность округа и откупавшие его у казны с тем, чтобы покрыть гарантируемую сумму сбором с населения; такую обязанность должны были брать на себя с порядочными сбережениями, и в свою очередь они зарабатывали при сборе немалую прибыль на свой капитал. С появлением откупов на дороги и постройки в Италии, на аренду казенной земли, провинциальных пошлин и заморских угодий, прежним податным старостам легко было перейти на эти сходные занятия. В этой области они встретились с другими типами сберегателей и мелких денежных промышленников и передали всей категории свое характерное профессиональное имя. Но оно стало все же обозначать капиталистов второго разряда, тогда как главы фирм, большие банкиры, директора компаний сохранили название *equites*.

Оба класса были тесно связаны в своих предприятиях, но составляли две разные корпорации, как бы два цеха в гражданстве. В разбираемое время и высший слой капиталистов разбогател и расширился в своем составе. Историк междоусобных войн сообщает любопыт-

¹³ Diod. 37, 5.

ную цифровую деталь: к 91 году, когда Ливий Друз Младший пытался согласовать интересы нобилей и всадников и с этой целью предлагал включить в сенат 300 представителей денежной аристократии, с передачей вместе с тем преобразованному сенату суда по делам провинциальной администрации. Оказалось, что огромное большинство всадников, «вкусивших уже больших барышей и власти», совсем не желали такой перемены; они боялись произвольного выделения из своей среды небольшой привилегированной группы и заранее завидовали тем немногим счастливым, которые должны будут попасть в высшую правительственную коллегию: число 300 очевидно составляло лишь незначительный процент в общем составе всадников.

Необходимо представить себе вокруг этого многочисленного класса денежных капиталистов, под управлением и в зависимости от откупщиков и арендаторов казенных статей, еще большее количество всякого рода мелких служащих: агентов, посыльных, писцов и т. п. Среди них было, конечно, много рабов и вольноотпущенных, но значительную часть этих клиентов капитала давало и свободное гражданство. Вся масса находившихся в услужении у банкиров и откупщиков, все, кто был непосредственно связан с ними своими интересами, кто отдал им свои сбережения, — составляли естественную политическую армию, которою командовали представители крупного капитала. Они могли при случае расширить состав людей, обязанных им своими голосами, например, для проведения нужного кандидата привлечь новые кадры раздачей денег в обширных размерах. Избранник откупщиков, Марий, получил в шестой раз консульство и отстранил своего постоянного соперника Метелла при помощи систематически проведенного подкупа: деньги были розданы избирателям с правильным распределением по трибам. Подкуп избирателей становится с этого времени одной из форм оборота для капитала, получаемого денежной аристократией от имперских владений и их администрации: такие единовременные выдачи народу должны обеспечить капиталистам сохранение политической власти; они стоят наряду с раздачей гражданам-избирателям дешевого хлеба.

Столичное население втягивается таким путем в политику империализма. Этот римский плебс конца I в., раздающий провинциальные командования, жадный до внешней политики, сильно отличается от оппозиционной массы времен Тиберия Гракха, от неорганизованной еще демократии, в которой преобладали сельские элементы и для которой на первом месте стоял земельный вопрос в Италии. За короткое время столица выросла, и в ней интересы империи стали затирать задачи и заботы ближайшего местного характера. Рим более чем раньше, отчуждается от Италии. Быстро меняется даже его национальный состав. Хотя по своему коммерческому положению город всегда был открыт для иммиграции с моря и для поселения иностранных торговцев, но теперь, с присоединением Африки и восточных областей, колонии иноземцев должны были быстро возрасти. В столице, вероятно, постоянно появлялись и подолгу жили жалобщики и ходатаи из провинции; расширение торговых сношений по Средиземному морю привлекало в Рим большое число негоциантов из союзных и вассальных государств, Сирии, Египта, Кирены, Родоса. Наверно, в эту пору увеличилась греческая колония в Риме, может быть, около этого времени возникла иудейская колония, которая в эпоху Цицерона уже производила довольно внушительное впечатление. Рим приобретает космополитический вид, его «гражданство», по выражению одного политика, «состоится из стечения всех народностей».

Рост столицы, ее превращение в международный центр имело неблагоприятное влияние на судьбы демократии. Первоначальная оппозиция совершенно разладилась: еще резче прошла черта различия между интересами Рима и Италии. Она ярко обнаружилась во внутренних столкновениях 100 года, которые были предвестием крупнейшего социального кризиса Италии, сохранившегося в традиции под названием Союзнической войны.

3. Итальянская революция и реакция

При всех своих внешних удачах римская демократия в эпоху непрерывного консульства Мария стояла перед неминуемым распадом. В то время как капиталистическая фракция партии популяров двигалась от успеха к успеху, крестьянская Италия все более отстранялась назад. Еще одну последнюю попытку вернуться к программе Гракхов и соединить столичных плебеев с аграрной демократией Италии сделал в 100 году энергичный и даровитый трибун Аппулей Сатурнин. Он искал вместе с тем опоры в новой силе, выдвинувшейся в республике, – в солдатстве и его главном командире. Необходимо дать себе отчет в том, как сложилась эта сила.

В истории развития Римской империи обыкновенно недостаточно различают периоды. Вследствие этого получается впечатление, как будто бы успехи римского оружия, за исключением отдельных случаев, были непрерывны, присоединение провинций шло почти ровным шагом, милитаризм римский не только не ослабевал, а даже нарастал. В действительности остановки были довольно значительны, и римская держава в течение нескольких десятилетий вовсе не заслуживала названия завоевательной. После сильного подъема империализма в 40-х и 30-х годах II в. следует большая остановка завоеваний и присоединений приблизительно на 60 лет (133–74). За этот промежуток приходится, правда, три большие войны, в Африке с Югуртой, на севере по обе стороны Альп против тевтонов и кимбров и на востоке в Греции и Азии против Митридата. Но все эти войны – оборонительные: Рим должен защищать окраины против опасных врагов. Нападение Митридата угрожало потерей самых доходных восточных областей. Движение тевтонов и кимбров было крайне опасно даже для собственно римских и итальянских поселений заальпийской Галлии и равнины р. По; самые жизненные интересы аграрной Италии были затронуты нашествием варварских масс. Потребовалось большое напряжение военных сил и средств метрополии, небывалое в течение 100 лет со времени другого нашествия на Италию, когда в ней был великий карфагенский завоеватель. Войска II в., посылавшиеся против восточных царей, Карфагена и испанцев, были экспедиционными отрядами, забиравшими в походы сравнительно небольшую часть гражданства и союзников. В оборонительных войнах конца II – начала I в., напротив, приходилось поднимать на ноги всю Италию, звать людей всякого состояния и правового положения. Уже Метелл перед отправлением в Африку, должен был надолго задержаться в Италии, чтобы набрать и мобилизовать новые войска, были вызваны гарнизоны из разных концов государства; потребовали усиленной помощи от всех разрядов итальянских союзников и от вассальных царей.

Но скоро и этого оказалось мало. Марий, которому народ поручил сменить Метелла в командовании, в обширных размерах организовал вербовку солдат, так как правительство, очевидно, уже не имело силы собрать ополчение посредством старой системы общей повинности. При записи новых солдат даны были самые определенные обещания относительно добычи, наград и повышенного жалованья. Эти обещания и обеспечили неожиданный успех вербовки: сенат не мешал Марию, так как был уверен, что, при нерасположении народа к военной службе, новый консул, впервые проведенный демократами, потеряет всю популярность; но этого не случилось, за Марием жадно двинулись на войну массы людей. Марий брал в солдаты также пролетариев и вольноотпущенных рабов; свободного зажиточного населения для усиленного набора теперь уже не хватало. Вероятно, в последующей войне с кимбрами Марий повторил подобную же вербовку; конечно, за ним последовала значительная часть солдат, уже служивших под его начальством в Африке.

Сколько можно судить, Марий был крупным реформатором в военном деле. Он вел войну методически, долго готовил и упражнял свои войска, прежде чем пускать их в дело,

обеспечивал себе сообщения и подвоз в тылу обширными техническими сооружениями, проводил новые дороги, копал каналы; его солдаты помимо строевой службы должны были исполнять саперные, строительные, инженерные работы. Это была тяжелая служба, и в дисциплине, заведенной Марием, было, без сомнения, что-то новое, небывалое для римского глаза: его солдат, тащивших на себе в долгих переходах провиант и снаряды, задавленных работой и усталостью, молча, беспрекословно исполнявших все приказы, с насмешливым сожалением прозвали «вьючным скотом Мария»¹⁴. По-видимому, выдающиеся генералы и военные администраторы I в., т. е. конца республики, были его учениками и подражателями. Начиная с его утомительных походов в африканских степях и потом в приальпийских областях, римское войско получает тот вид, который нам более всего известен, но который неправильно было бы распространять на предшествующие времена. Это – солдаты по профессии, люди разнообразной технической выучки, но уже оторванные и продолжительностью службы, и характером работы от гражданских занятий, с исключительно военным заработком и совершенно естественным притязанием на пенсию или пожизненную награду по окончании долгой службы.

С другой стороны, в этих легионах, стоявших лагерями по несколько месяцев и годам, выбиравших из своей среды центурионов, т. е. низших офицеров, слагалась своя организация, вырабатывался корпоративный дух, самостоятельность решений. Солдаты составляют часто сходки, обсуждают на них общее положение вещей, стратегические и политические вопросы, а командиры привыкают с ними советоваться, объяснять им свои намерения, действовать с их согласия.

Вожди римской демократии не могли не обратить внимания на своеобразный характер этого нового общественного элемента, в особенности такой выдающийся политик, каким представляется трибун Аппулей Сатурнин. Прежде всего, солдаты составляли организованную силу, которой следовало воспользоваться в политических целях; опираясь на них, можно было внести большую плановость в голосование комиций. С другой стороны, выслужившие ветераны, более чем кто-нибудь, были заинтересованы в наделении земель; для них и с их помощью можно было возобновить прежнюю аграрную программу, отодвинутую после смерти Кая Гракха. В то же время между солдатами было более всего людей, особенно остро и непосредственно задетых аграрной реакцией, последовавшей за гибелью реформы Гракхов. Законодательный поход 121–111 гг. против мелкого землевладения, против охраны прав мелкого пользователя сопровождался раздробленной борьбой на местах, множеством насилий, которые позволяли себе крупные земледельцы относительно крестьян, отбирая произвольно их участки. При этом терпел и разорялся тот самый класс, который давал Риму непобедимые войска. В то время, «как император с немногими близкими делил военную добычу, большие господа выгоняли из родных углов семьи и малых детей солдатских, живших с ними по соседству»¹⁵.

Аппулей Сатурнин сумел опять соединить элементы прежней оппозиционной коалиции, капиталистов и их свиту, с одной стороны, защитников аграрной реформы – с другой. Он уже раньше был близок к Марию и более всего помог кандидатуре Мария на второе консульство 105 г. для войны с кимврами. Воссоединенная Аппулеем Сатурнином демократия изменила свою тактику сравнительно со временем Гракхов. Между тем как раньше ее вожди старались скорее создать конкуренцию правительству сената, устраивая особую администрацию трибунов и триумвиров и особые суды всадников, они теперь идут на захват самых высших правительственных мест, консульства, преторства и на преобразование в более демократическом духе сената. Марий в первый раз в 106 г. прошел в консулы в каче-

¹⁴ Plut. Mar. 13.

¹⁵ Sall. Jug. 41.

стве кандидата откупщиков и негоциаторов; денежные люди и потом крепко стояли за него, обеспечивая ему несколько раз возобновление консульства. В 100 г. положение было особенно выгодно для партии популяров. Марий был выбран в шестой раз консулом; другой видный сторонник демократии, Сервилий Главция, прошел в преторы. Таким образом, половина двух высших правительственных коллегий оказалась в руках оппозиции. При помощи марианских солдат отстранили кандидатуру главы оптиматов, Метелла, а выбранный затем коллега Мария по консульству, Валерий Флакк, согласился быть вполне послушным подчиненным в руках популярного товарища.

Еще раньше была сделана демократами попытка вмешаться в составление списка сенаторов. В 103 году после приговора народного суда над непримиримым оптиматом Цепионом прошел закон Кассия, который воспрещал людям, осужденным народом, появление в сенате. Этим путем вводилась возможность отвода из сената лиц, неугодных народному собранию. В ближайшем будущем мог появиться в качестве цензора бывший консул-демократ для того, чтобы вписать в список сената любое число популяров и реформировать в духе демократии всю коллегию.

Аграрный вопрос стоял в 100 г. иначе, чем за 20 лет до того. В Италии в границах старого союза осталось мало неподеленной государственной земли. Для наделов малоземельным и безземельным, выслужившим солдатскую пенсию, приходилось отписывать землю на окраинах, особенно в приальпийских местностях или в провинциях, выводить дальние колонии. Аппулей Сатурний предполагал, прежде всего, воспользоваться той землей, которая на севере полуострова и в Галлии Заальпийской была захвачена варварами, а потом, по римскому обычаю, по окончании войны конфискована с отстранением старых галлов-пользователей; кроме того, имелось в виду устроить колонии в Сицилии, Ахайе, Македонии. Если уже Т. Гракх для операции выкупов или уплаты за мелиорации нуждался в применении денежных средств, получавшихся с империи, то еще более свободных сумм требовалось для устройства дальних колоний; следовательно, реформа аграрная могла быть осуществлена лишь за счет имперских финансов, примененных в самом широком размере.

Иначе стояло дело и в отношении участников наделения. При Гракхах имелось в виду допустить к наделам, прежде всего, римских граждан; жаждущие надела союзники сначала еще должны были добиться политической реформы, получить право голоса. В 100 г. состав непосредственно ожидающих наделения был шире. Любопытно сведение, что А. Сатурний разослал приглашение по деревням, настойчиво призывая заинтересованных на голосование в решающий день; он особенно рассчитывал на тех, кто служил под начальством Мария. Все италийцы ожидали для себя выгоды, только масса в Риме была против. По-видимому, в первой очереди стояли Мариевы ветераны, и в виду этого правдоподобно, что соответствующие обещания насчет земли были им даны, может быть, самим же Аппулеем Сатурнием в начале кампании, когда выбирали Мария в главнокомандующие Северной войны. Эти солдаты были собраны со всей Италии, далеко не принадлежали к одному гражданству и, может быть, даже союзники в их числе значительно преобладали. Таким образом, союзники уже без всякого посредства предварительной политической реформы были привлечены к предстоящему великому аграрному устройству. В аграрном вопросе грань между ними и римскими гражданами была теперь устранена тем самым, что в Италии почти не было более спорных земель, те и другие могли рассчитывать лишь на внеиталийские наделы, а на провинциальной почве они являлись уже в равном положении. Историк гражданских войн уже не знает разницы между крестьянами римскими и италийскими, напротив, он проводит резкую черту между городским римским и сельским, общеиталийским населением.

Зато между этими двумя элементами демократии разыгрывается самая жестокая борьба по поводу аграрного закона. Римская *plebs urbana*, наполовину всадники и их клиентство, решительно противятся наделам. Голосование на форуме превращается в битвы.

Сначала одолевают горожане, но Аппулею Сатурнину удается увеличить массу крестьян, привлеченных из деревень, и закон проходит. С помощью той же армии голосующих, между которыми, вероятно, было много настоящих солдат, ветеранов Мария, Аппулей Сатурнин достигает своей последней и наибольшей политической победы: он заставляет весь сенат под угрозой изгнания и штрафа несогласных сенаторов, прийти в народное собрание и клятвенно заявить о принятии и верном исполнении нового закона. Отказался только Метелл, и за это тотчас же был выслан всесильным трибуном из Рима. Эпизод этот интересен с чисто политической точки зрения. В лице трибуна демократия делает попытку превратить сенат в исполнительный орган верховного собрания; плебисцит не должен более подлежать обсуждению в сенате. К законопроекту Сатурнина при внесении его в народное собрание уже было прибавлено заранее условие: «Если народ примет закон, сенат обязан в течение 5 дней принести присягу в повиновении закону»¹⁶.

В смысле развития народного верховенства этот шаг Сатурнина составлял, может быть, высшую точку, достигнутую римской демократией. Но уже при первом обсуждении дела в сенате обнаружилось, что есть еще другие, пока тайные противники. Сам консул Марий, благоволивший, по-видимому, А. Сатурнину до тех пор, вызвавшийся быть посредником между народом и сенатом, показал свое недоверие к аграрной реформе; он советовал сенаторам подчиниться для виду, пока еще не разошлись по домам скопившиеся в городе крестьяне. Потом Марий согласился даже взять на себя преследование А. Сатурнина и его сторонников вооруженной силой. Мы знаем Мариа за деятеля, особенно близкого к всадникам, денежным людям Рима. Они, вероятно, вовсе не сочувствовали сатурниновой политике широкого распространения крестьянских элементов; может быть, им грозила перспектива сокращения больших поставок на Рим, а также они могли опасаться ухода из Италии в колонии свободных рабочих рук. Их союз с Сатурнином и сторонниками аграрного переворота был чисто внешний, временно-политический. Теперь, когда на улицах Рима началась революция в интересах сельских классов, они покинули, как в 121 г., вождей демократии и соединились с правительством, со своими политическими и финансовыми врагами, нобилями. Этот картель и заставил Мариа приступить к военной экзекуции и осаде Капитолия, где засели Сатурнин, претор Главция, квестор Сауфей и вооруженный отряд крестьян, снова вызванных из деревень. Произошла катастрофа, напоминающая гибель Кая Гракха и его сторонников.

В течение своего кратковременного преобладания в 105–100 гг. демократия достигла более значительных политических результатов, чем в трибунство Кая Гракха. Но распределение партийных элементов было уже другое. Еще решительнее прошла рознь между городскими и деревенскими плебеями, причем с первыми заодно стоят денежные люди, ко вторым примыкают сельские элементы всей Италии. Все эти составные части оппозиции могут идти вместе очень далеко; когда определенно и широко поставлена важная реформа, они расходятся, и первая группа принимает сторону сенатского правительства. В самой городской массе нашлось много ожесточенных врагов Аппулея Сатурнина, которые в своей добровольной помощи правительству зашли гораздо дальше консула, обремененного военной охраной города, когда Марий принял их капитуляцию и обещал им жизнь. Но зато и в высшем правящем классе более чем когда-либо обнаруживается распадение: из среды аристократии скоро выйдет последний великий трибун, принявший значительную часть демократической программы, Ливий Друз. Скоро мы увидим нобилитет резко разделенным между лагерями марианцев и сулланцев.

События и отношения 90-х годов в Риме нам почти неизвестны. Яркой агитации, громкой партийной борьбы тут и не могло быть. Новый разгром демократии, гибель ее вождей,

¹⁶ App. I, 39.

расстройство ее организации, конечно, должны были сказаться в общественной жизни, и катастрофа 100 г. имела последствием несколько лет политического уныния. В Риме сейчас же подняла голову реакция. Главу непримиримых консерваторов, Металла, вернули из изгнания с великим торжеством, а трибуна Фурия, который не соглашался отменить эту ссылку, толпа растерзала. Но за эти годы политического затишья в Риме в большей части Италии готовилось крупное движение.

В событиях 100 г. ясно обнаружилось, что крестьянская демократия гораздо более представлена италиками, чем римлянами, что она превращается в общеиталийский союз. Уже Сатурнин кажется скорее политическим вождем италиков, чем трибуном Рима и его гражданства; у него организована была постоянная и деятельная корреспонденция с сельскими избирателями и с общинами различных частей Италии. Трибунат в Риме служил центром объединения разрозненных до тех пор групп италиков. У них начиналась и своя военная организация, сколь мы можем судить по быстрому приходу в Рим тех деревенских подкреплений, при помощи которых Аппулей Сатурнин одерживал свои полувойенные, полуполитические победы на форуме. Сношения отдельных союзных общин и народцев с центральным штабом демократии, конечно, должны были скоро повести к самостоятельным переговорам, соглашениям и союзам между отдельными группами италиков. В конце 90-х годов мы застаем их в самых оживленных взаимных сношениях: они обмениваются заложниками – это знак последних уговоров перед восстанием – и, видимо, они уже выработали союзную организацию с исключением Рима, невозможно себе представить, чтобы союз «Италия», выбравший в 90 г. своим центром город Корфиний, возник сразу без всяких приготовлений.

После трех десятилетий окольной борьбы путем косвенных влияний и прошений через своих патронов, сановных римлян, после кровавого столкновения 100 г. и катастрофы своего вождя Аппулея Сатурнина, италийцы почти не рассчитывали на мирную уступку со стороны Рима. Но они еще не порывали окончательно со столицей. Еще была возможность войти в соглашение с частью нобилей, ставших в оппозицию к правящим группам. Таким образом, в конце 90-х годов появляется в Риме новый и последний вождь италиков, аристократический трибун Ливий Друз. Он еще раз предлагает законодательным путем провести дарование прав гражданства союзникам, уравнивание их с римлянами. Но, в сущности, восстание уже готово, предложение Друза мало чем отличается от угрозы добиться своих требований путем вооруженного вмешательства. Сам Ливий Друз был по отношению к союзникам как бы главным их доверенным в Риме, кем-то вроде общепризнанного неофициального диктатора Италии. Он располагал определенными полномочиями, в силу которых мог вытребовать вооруженную помощь из областей Италии.

В дошедшей до нас формуле присяги каждый из союзников клянется римскими богами и святыми основателями Рима и создателями римской державы, что будет иметь одних и тех же друзей и недругов, вместе с Друзом, что не пощадит ни имущества своего, ни детей своих ради блага и пользы Друза и тех, кто с его стороны также принес клятву. «Если же я достигну прав гражданства в силу закона Друза, то буду считать Рим своим отечеством, а величайшим благодетелем своим Друза, и к той же клятве привлеку возможно большее число граждан». Эта присяга указывает, во всяком случае, на очень тесные связи, образовавшиеся между италиками и главой оппозиции. Их было достаточно для того, чтобы после смерти Друза противники его могли обвинить италиков в покушении на целостность государства.

Ливий Друз занимал в Риме иное положение, чем его предшественник Аппулей Сатурнин. За него, представителя очень богатой старинной семьи, стояли многие крупные нобили, Лициний Красс, Антоний, Аврелий Котта, Сульпиций, он старался приблизиться также к кругам всадников и вообще сущностью его программы был широкий компромисс между всеми классами римского и италийского общества, между всеми разрядами правящего слоя и

оппозиции. Друз хотел выйти искусным ходом из двоевластия, устранить антагонизм, который существовал между верховным управлением нобилей и финансовой администрацией всадников. Он предложил к 300 сенаторам из нобилей прибавить столько же из всадников и затем составить суды уже из этого смешанного и обновленного сената. Затем Ливий Друз вводил в свой план по примеру Кая Гракха и Сатурнина снабжение дешевым или даровым хлебом столичного населения. Наконец он предлагал вывести несколько колоний в Италии и Сицилии частью на местах уже намеченных, т. е. опять возобновлял аграрные предложения Гракхов и Аппулея Сатурнина, предлагал помощь малоземельным или безземельным из территориального фонда государства или на средства казны. В чью же пользу было направлено это аграрное предложение Ливия?

Вероятно, мы вправе считать его аграрный закон главным требованием, выставленным в интересах союзников, или иначе, видеть в аграрном предложении сущность проекта дарования гражданских прав союзникам. В самом деле, чем же еще другим объяснить это настойчивое желание массы союзников получить право *civitatis romanae*, как не тем, что это был вопрос о земле? Какие еще реальные блага получились бы для апеннинских горцев, для марсов, самнитов, лукан и пр. от приписки в римские трибы, от участия в голосованиях?

Аграрный вопрос принимал для разных групп италиков различные формы. В областях западного склона Апеннин, у марсов, самнитов, гирпинов, по соседству с Римом, Кампанией, бойкими приморскими центрами, где энергически продвигалось вперед интенсивное хозяйство, виноград, оливки, садоводство, где процветала в свое время оккупация, а позднее происходила усиленная скупка земли и насильственные изгнания мелких владельцев, — аграрная программа была, скорее всего, оборонительная: защитить существующие дворы с их старой культурой полей и горных склонов от захватов крупного владения. Несколько иначе, вероятно, обстояло дело в областях восточного склона Апеннин, для таких народцев, как пелигны, френтаны. Здесь преобладало пастбищное хозяйство; но горцам, обладателям стад, было важно сохранить за собою пользование равнинами вдоль берега, куда они могли пригонять своих овец на зиму. Длинные и широкие пути перехода от гор к берегу, для каждой группы стад отдельно, с остановками для отдыха, и сейчас, в современной Италии, тянутся у склона Адриатики, может быть, даже совпадая со старинными дорогами, по которым пастухи странствовали два раза в год. Наиболее важна была для деревенских скотоводов Апеннинских гор степь Апулии, но со времени больших конфискаций здесь водворились крупные стадовладения и арендаторы пастбищ, загородившие пользование равнинами для горцев. Может быть, именно этот край и именно нужды апеннинских пастухов более всего имел в виду Тиберий Гракх, когда требовал ограничения количества стада, высылаемого на выгоны казенной земли. С падением гракховского запрета у горцев не оставалось никакой защиты и возможности вернуть старые пастбища. Наконец, были группы италиков, которые в аграрном законе видели осуществление своих положительных требований: все те, кто служил в тяжелых войнах 106–102 гг. могли ожидать наделов от государства.

В историческом изображении так называемой Союзнической войны не упоминается об аграрных требованиях, но у нас целый ряд косвенных указаний на то, что эти требования составляли сущность программы восставших. Прежде всего, на это заключение наводит картина географического распространения восстания. Мятеж охватывает Среднюю Италию и горные области южной части полуострова; восстают народцы, сохранившие старинный деревенский быт; это — страна, где еще сильно мелкое землевладение, где не успели образоваться латифундии или большие пастбищные хозяйства. Наоборот, остались верны Риму северные союзники этруски и отчасти умбры, т. е. области крупного землевладения с социальными порядками, похожими на те, которые уже успели образоваться на римской территории. Это разъединение интересов союзников было заметно и хорошо известно римскому правительству еще до восстания: консулы, которые были противниками аграрных предло-

жений Ливия Друза, вызвали в Рим многих этрусков и умбров, чтобы дать место их протесту или даже чтобы с их помощью умертвить Друза и его сторонников. У историка междоусобных войн есть еще одно замечание, на первый взгляд непонятное, которое при ближайшем анализе, может быть, дает верный ключ к пониманию группировки интересов. Он говорит: «Италики, из-за которых Друз главным образом и строил свои широкие проекты, опасались последствий его закона об устройстве колоний; они боялись, что у них тотчас же отнимут римскую государственную землю (которая, будучи неподеленной, находилась в пользовании отдельных лиц, захвативших ее частью силой, частью скрытыми, обходными путями); боялись они неприятностей и в связи со своим частным владением; этруски и умбры разделяли с ними эти опасения».

Немыслимо выйти из противоречия, заключенного в этих словах, если не предположить двух разъединенных групп в среде союзников, столь же разъединенных, как в Риме были нобили и плебеи. Кто из италиков мог сочувствовать крупным землевладельцам Этрурии, кто мог опасаться, что у него будут отобраны захваченные силой или маскированные покупкой доли римского *agri publici*? Конечно, не крестьяне, ни малоземельные, ни безземельные. Это были богачи среди союзников, муниципальная знать, патриции союзнических общин, откупщики и негоциаторы из италиков. Они могли теперь даже опасаться одновременного проведения аграрного закона и уравнивания в гражданских правах. В свое время действие благодатного для крупных владельцев закона Тория на них не распространилось, так как он имел силу только для римской территории. Доли захваченной союзниками казенной земли оставались в принципе все еще общественным достоянием и с получением италиками полного гражданства мог подняться общий пересмотр владельческих прав, и могло произойти отобрание казенной земли для раздачи малоземельным и безземельным. Иначе говоря, богатые землевладельческие классы среди союзников более всего боялись своих земляков, своей *plebs rustica*, своих *agrestes*. А если они так опасались за свое земледелие, то ясно, что у общеиталийской партии Ливия Друза, у восставших в 90 г. на первом месте было требование земли, наделов, прирезки, а право римского гражданства, которого они добились, было лишь необходимым средством для этой основной цели; оно должно было послужить политическим мостом к осуществлению аграрной реформы. В той внутренней социальной борьбе, которая происходила в среде самих союзников, низшие классы были поставлены в затруднительное положение, у них не было политического центра, где они могли бы сплотить свои усилия: они надеялись найти его в римских комициях, в римских трибунах, в римском аграрном законодательстве.

Эпоха агитации Л. Друза и Союзнической войны представляет необыкновенно отчетливое и резкое разделение интересов в той классовой группировке, которая стала слагаться уже в 100 г. На одной стороне крестьянская Италия, гораздо сильнее представленная союзными общинами, чем римлянами, и готовая с нею сблизиться группа нобилей, склонных к реформе. На другой – главным образом, римские капиталисты и их городская clientela, с ними другая, консервативная часть римского нобилитета. Римская землевладельческая аристократия разбилась на две части: одна, более просвещенная, не чуждая греческой политической школы, склоняясь перед неустрашимым натиском демократии, согласна была на уступки: принять в среду высшего правительственного совета, в число служебных фамилий часть финансовой аристократии, расширить состав гражданства, произвести наделы и увеличить число мелких землевладельцев Италии, но зато ослабить беспокойную и притязательную столичную массу, опасную своей политической дисциплиной и организацией.

Некоторое представление о политической программе этих умеренных реформистов дают те страницы римской истории и Ливия, и Дионисия, где речь идет о деятелях ранней республики, умевших создавать мудрые компромиссы между вечными врагами, патрициями и плебеями. В легендарной истории первым таким посредником и умиротворителем

является народолюбивый царь Сервий Туллий, который озабочен между прочим наделением земель неимущих, потом умные и популярные магнаты, особенно из дома Валериев. Эти изображения возникли, может быть, в публицистике, работавшей в эпоху Друза. У сторонников умеренной реформы получалась стройная и красивая картина патриархальной республики. После изгнания царей они представляли себе счастливый момент, когда вся аристократия сознательно вела популярную политику, и сенат ухаживал за народом: правительство закупало хлеб для городского населения, завело дешевую государственную продажу соли с устранением посредников, освободило бедных от пошлин и прямого налога, переложивши тяжесть на более зажиточных на том основании, что «бедные достаточно платят, отдавая детей в военную службу»¹⁷. Аристократия вела эту социальную политику в народническом духе, не выпуская из рук сильной власти, в то же время она сохраняла свой вес и влияние, не замыкаясь в тайну и бесконтрольность.

Какие же политические учреждения и обычаи позволяли ей править с таким искусством, популярностью и авторитетом? Реформисты нашли ответ на этот вопрос. Разумной серединой между правлением немногих и господством массы в старину было, по их мнению, учреждение ценза, отдавшего перевес богатым слоям общества и сократившего политическое значение бедных. Ценз был и справедлив, и полезен; справедлив потому, что на богатых лежит больше тягостен, податей и повинностей, а следовательно, они должны иметь и больше влияния в государстве; полезен потому, что бедные по преимуществу являются новаторским, революционным элементом, а зажиточные – консервативным. Установление ценза приурочивали к царю-примирителю Сервию, мастеру политико-археологического изобретения, успели даже составить для легендарного царя очень сложную систему из 5 имущественных классов с подразделением классов на неравное число голосующих центурий, причем количество голосов у каждого класса было в прямой пропорции к величине состояний. Очень возможно, что так называемая сервианская конституция и есть создание того времени, когда появилась в римском нобилитете партия умеренной реформы. Этой партии не нравились, вероятно, дебатирующие независимые трибутные собрания, не нравился недавно выработавшийся в практике римской демократии обычай проводить плебисциты без предварительного одобрения сената; более конституционными казались ей собрания по центуриям, разумеется, в идеальной своей форме с распределением граждан по цензу; сенат должен пользоваться правом veto и внесения поправок к решениям народа; трибуны должны быть органами правильных сношений между сенатом и народом.

Ни одного из положений этой программы не хотела допускать денежная аристократия Рима. Восстановление крестьянства в Италии грозило переменой финансовой системы, в частности, вытеснением всадников от аренды и эксплуатации казенной земли. Сокращение народных собраний, гибель политического режима, введенного Каем Гракхом, грозили упадком их собственного влияния: он не уравновешивался принятием небольшой части всаднического сословия в сенате. В массе своей всадники вовсе не искали мест в высшем правительстве, в общей администрации, тем более, что переход в сенат для отдельных лиц был связан с прекращением торговых и денежных операций. В смысле финансового использования империи было гораздо выгоднее оставаться в тени, в роли присяжных судей, и в качестве контролирующей силы не допускать контроля над собой. Когда Друз потребовал расследования по прежним процессам, чтобы вскрыть совершившиеся подкупы, главы сословия, «столпы народа римского», по выражению Цицерона, заявили бурный протест. Они самым откровенным образом повторили свою теорию, их отказ от почестей, блеска власти, мундира, свиты, военной команды, преклонения иностранцев, от всего того, чем пользуются нобили, дает им право на неприкосновенность в частных делах, на жизнь спокойную и дале-

¹⁷ Liv. II, 9.

кую от бурь, на милости народные, они вполне сознательно избегают опасностей, связанных с политическим положением, у нобилей велики служебные награды, но велик также соблазн впасть в злоупотребления – и, следовательно, страх поплатиться за них. Другими словами, всадники не допускали вмешательства в сферу своих дел и желали по-прежнему уклоняться от ответственности ценою своего политического воздержания.

Можно предполагать еще другие основания беспокойства всадников. Множество нобилей находится у них в долгу; таковы были землевладельцы, забравшие кредит для насаждения высших культур, винограда, оливок, плодовых садов и т. д., так усиленно рекомендованных Катонем и переводными карфагенскими авторами; искатели политической карьеры, добившиеся народного избрания ценою предвыборных раздач; наконец, множество лиц, привлеченных приятностью столичной жизни, хлопотавших об устройении своей *villa urbana*. Судя по событиям, разыгравшимся в Риме уже в следующем 89 году, масса задолжавших нобилей была не чужда мысли о принудительном банкротстве и надеялась с этой целью использовать политический кризис, отделаться среди общих затруднений от своих обязательств. Эта часть нобилитета, вероятно, горячо приветствовала нападение Л. Друза на суды всадников, его попытку раскрыть злоупотребление капиталистов; она могла рассчитывать на расширение похода против римских банкиров и ростовщиков, на предъявление им ультиматума в виде кассации долгов. В свою очередь всадники хорошо понимали, какими опасностями грозит их промышленному положению политический переворот, связанный с падением городской демократии, усилением земледельческого элемента в народных собраниях и привлечением к политике отсталых деревенских групп Италии.

Эта рознь интересов достаточно объясняет в высшей степени нервное настроение римского общества в 90 г. Весь план Друза потерпел неудачу вследствие крайнего обострения вражды между партиями. Отношения стояли так резко, что если бы сам Ливий Друз не пал от руки неизвестного убийцы, его, вероятно, скоро увидели бы вынужденным идти во главе восстания Италии.

Италийское восстание представляется в свою очередь глубоко понятным. Империя и приток ее великих богатств сильно видоизменили весь строй Италии. Старое равновесие между правящей торговой общиной и союзом средних и мелких землевладельцев полуострова давно было нарушено. Богатства не только достались первой, не только увеличили ее размеры, ее значение до степени столицы Средиземного моря, не только создали крупнейшую денежную аристократию Древнего мира. Они также разорили большую часть страны, вытянули соки из патриархальной мелкоземельческой Италии, свели часть ее на нищенское положение. Правда, тот же империализм создал в Риме оппозицию и открыл обиженным классам населения возможность поднять свой голос в политике. Римская демократия сказала и сделала все, что можно было сказать и сделать в ее положении, но она потерпела неудачу от своего внутреннего разлада, от того, что и в ее среде интересы империалистического расширения провели и повторили ту же рознь, отделив центральную общину, обладательницу универсальных финансов, от ее старых поставщиков натуральной повинности. Италия продолжала платить дань людьми, а эти орудия колониального расширения не получали своей доли в раздачах, напротив у них ускользала из-под ног земля, на которой они, казалось, искони сидели. Патриархальная, еще замкнутая в своих отдельных мелких группах, разноречивая Италия долго пассивно отвечала на перемены, которые совершались кругом. Но политическая школа демократии сделала свое дело: римские трибуны провели нити связей и агитации во все концы Италии и объединили на своих митингах, в своих аудиенциях нужды, жалобы и заявления ее пестрых и разрозненных племен и союзов. Италики почувствовали себя общей силой, взаимно связанной во всех своих частях. В 90-м году они предъявили впервые сами свои общие требования Риму, а когда получили отказ, то отделились и воспроизвели в своей среде формы римского государства.

Их новосозданная столица Корфиний, или «Италия» повторяла Рим в своей политической архитектуре: в ней был устроен большой форум для народных собраний и курии для сенатских заседаний. Сенат состоял из 500 членов. Во главе администрации и военных сил были поставлены два консула – Помпедий Силон из племени марсов, и Папий Мутил из племени самнитов. Консулам были подчинены 12 преторов, и между ними пополам было поделено управление всей восставшей Италией.

В основе восстания италиков лежал давнишний протест против последствий империалистической политики; старая Италия как бы инстинктивно пыталась отстоять свой старый быт и строй. Но империя с ее легкодоступными доходами, с ее соблазном службы была неустрашимым фактом, она была тут, налицо, вблизи. И первоначальный протест осложнялся и затуманивался: союзники хотели вместе с тем принять участие в дележе, занять равное с римлянами место в эксплуатации имперских богатств.

Но их настойчивые требования, их отделение грозило расшатать самый строй империи. Италия, как показали особенно войны 111–102 гг., ставила главный контингент римского оружия, державшего в страхе соседей. Как раз с ее отделением совпал тяжелый для римлян кризис на Востоке: самые богатые и доходные ее области, Македония, Греция и в особенности Азия были захвачены предприимчивым полуварваром Митридатом, и это искусный и неутомимый противник очень хорошо знал, какой несравненный шанс для него представляло италийское междоусобие, равнявшееся полному онемению центральной общины. Впоследствии инсургенты отправили к нему депутацию с предложением напасть на Рим, и Митридат обещал им помощь, как только управится в Азии. Надвигаясь на дальнюю восточную провинцию римлян, он, прежде всего, предложил местному населению расправиться с римскими откупщиками и промышленниками и разделить с ним их капиталы.

Биржа, главный показатель пульса римской политики, при самом начале восточных осложнений, была охвачена паникой. Никогда, вероятно, денежные люди в Риме не горели в такой мере патриотизмом, не гремели так сильно о жертвах на алтарь отечества, о необходимости мщения. Именно в это самое время отказывались служить главные кадры римской армии. Понятна необыкновенная нервность и раздраженность, которую проявлял в Риме класс, состоявший из главных откупщиков, их пайщиков, агентов и финансовой администрации, рассылавшейся по местам. Политический пыл всадников в эту пору превосходит все, что они показали раньше и позже того.

Опять они составляют временный союз с консерваторами. После низвержения Друза и его партии они открывают настоящий террор: через трибуна Вария проводится в народном собрании предложение о предании видных италиков суду за измену; всадники надеются истребить, таким образом, своих противников. Когда остальные трибуны заявили протест против предложения Вария, представители денежной аристократии, участвовавшие в голосовании, бросились на них с обнаженным оружием и вынудили решение. Все еще в облачении политических судов, всадники открыли преследование против влиятельных сенаторов партии реформы и заставили их уйти в изгнание. Одна сцена, разыгравшаяся в Риме немного позднее, но под впечатлением той же паники денежных людей, ярко рисует их настроение. Масса должников, доведенная до крайности взысканиями, нашла поддержку в городском преторе, римском министре юстиции. Претор Азеллион согласился вернуться к старому официальному проценту, с которым практика ростовщиков резко расходилась, и в этом смысле дал указания судьям. Тогда разъяренные кредиторы бросились с оружием в руках на форум, где претор в священнической одежде публично совершал богослужение перед храмом Диоскуров, рассеяли толпу, окружавшую его, загородили дорогу к весталкам, где он хотел укрыться, загнали в какой-то трактир и убили его. Сенат назначил высокую плату тому, кто укажет убийцу Азеллиона, но на этот призыв никто не явился: ростовщики с необыкновенным единодушием покрыли друг друга.

При таких затруднительных для Рима обстоятельствах, внутреннем разладе в самом городе, под угрозой потери половины империи начиналось великое восстание Италии, крестьянская революция, оставшаяся в традиции под названием Союзнической войны. В ходе военных действий социальный характер борьбы выступил еще раз очень ясно. Низшие классы на римской и союзнической территории быстро соединялись вместе. Самнитский вождь Палий, захватив город Нолу, вместе с находившимся там римским гарнизоном из 2000 человек, казнит офицеров, а солдатам предлагает перейти к повстанцам, на что они все и соглашаются. То же самое он делает в Стабиях, Милтурнах и Салерне, причем последний город уже был римской колонией: везде простой народ переходит на сторону инсургентов. Весьма дружелюбно относятся восставшие также к рабам, везде освобождают их и записывают в свои отряды. Симпатии распределяются очень быстро и без колебания. Командир южных повстанцев, Юдацилий, поступает в целом ряде общин по самому определенному рецепту: где ему оказывают сопротивление, он распоряжается казнить римских нобилей, а простой народ и рабов присоединяет к своему войску. Впечатление такое, как-будто крестьяне, потеряв терпение в изнурительной разрозненной борьбе с вторгающимися посессорами, образовали, наконец, огромный союз для вытеснения помещиков. К ним примкнули и сельские рабочие больших экономий и крупных пастбищных хозяйств.

На римской стороне мало доверяют плебеям, гражданским элементам, крестьянству. В виду недостатка солдат вызывают подмогу от вассалов и варварских народов, от галлов и нумидийцев; набирают гарнизоны из вольноотпущенных, состоящих клиентами при больших домах. В распоряжении Рима одно время оставалась только прибрежная полоса на западе. Приходилось опираться на морские сношения, на подвоз из провинции, организовать склад провианта и оружия на Сицилии. Перед грозящей опасностью полного распада Италии римские партии сблизились между собою: во главе римских войск стали представители как консерваторов, так и популяров: Марий, Сулла, Цезарь, Красс, Цепион, Помпей. При этом Марию, вероятно, пришлось даже сражаться против своих прежних сослуживцев, солдат тяжелых войн 105–102 гг., которые появились в отрядах восставших союзников.

В этой отчаянной борьбе космополитического города с отсталой деревенской Италией есть что-то эпическое, и рассказ более позднего историка, составленный частью по преданиям, носит черты поэмы в прозе. Тут есть единоборства перед общей битвой: малорослый нумидей одолевает громадного галла. Героический вождь племени марсов, Помпэдий, в то же время главный агитатор восстания и первый консул нового союза, лично совершает рискованный подвиг: является к римлянам будто бы в качестве изменника, советует напасть на собственное войско, лишенное предводителя, увлекает римского легата в засаду, дает сигнал своим и искусно исчезает. В начале еще сказывается военное братство между римлянами и италиками, создавшееся во внешних войнах. При первой встрече Мария и Помпэдия их солдаты узнают близких и товарищей, перекликаются, выходят из рядов, сбрасывают оружие, обмениваются рукопожатиями и увлекают своим примером вождей; когорты, выстроенные для боя, смешиваются и образуют огромный праздничный круг.

Но постепенно ожесточение нарастает. Восставшие вспоминают старые религиозные обычаи, совершают страшные заклания, сопровождаемые человеческими жертвами, образуют дружины смерти. Воинственные марсы, над которыми римляне никогда не одерживали победы, готовы погибнуть все до единого, но не сдаться, и по поводу их неукротимости в Риме вспоминают поговорку: «Невозможен триумф ни над марсами, ни без марсов». Недаром все восстание осталось в позднейшей традиции под названием Марсийской войны. Запертый в родном городе Аскуле, Юдацилий после отчаянной защиты, видя неминуемую гибель, велит выстроить в храме костер, совершает на нем последнюю тризну с друзьями, принимает яд и приказывает им поджечь костер вместе со своим ложем. На второй год войны Сулла подходит к центру Самния, крепкому Бовиану, в то время как там собрался конгресс

инсургентов; он обманывает их бдительность, между тем как защитники города сосредоточили против него все силы и внимание, он посылает в обход несколько когорт, они берут незащищенные форты сзади Бовиана и дымом от костров дают сигнал к нападению. Застигнутые с двух сторон, бовианцы отчаянно сопротивляются, но вынуждены сдаться. На другой год Помпэдий снова с торжеством занимает Бовиан.

Но римляне неистощимы в средствах накопления и снаряжения новых военных сил. Напротив, у италиков нет больших запасов и поставок. С их стороны война все более превращается в партизанскую. Все почти крупные вожди восстания погибают один за другим; их отряды рассеиваются или сдаются. В смысле военном италийская революция потерпела неудачу: в упорных битвах были истреблены массы восставших, взяты были их крепости, союз «Италия» совершенно расстроился; остались незамирными только горные области на юге, Самний и Луканы.

Но политически италики одержали победу, и Рим должен был уступить. Все, кто положил оружие, не говоря о тех, кто оставался с самого начала верен Риму, получили права гражданства. Римская республика могла бы, начиная с 88 г., называться с полным правом италийской. Но борьба 90–88 гг., перешедшая в междоусобие консервативной и демократической партии 88–82 гг., истребила наиболее независимые элементы Италии; образовалась пустота, которая открыла простор для нового вторжения римского капитализма, в виде крупного владения и крупного хозяйства. В то же время и римская демократия была очень ослаблена; от присоединения новых италийских элементов, в среде которых к тому же были свои консервативные группы, она не могла сразу много выиграть. Притом между старым и новым гражданством оставалась еще рознь. Старое гражданство хотело сохранить перевес в голосовании, и поэтому в Риме не соглашались вписывать новых граждан во все 35 триб, опасаясь наводнить ими голосующие отделения; их или старались поместить в небольшое число существующих триб или составляли для них особые трибы не более 10 числом. Италики все еще оставались какими-то неполноправными гражданами, они не могли влиять на выборы и на законодательство. Только новое столкновение партий в среде самих римлян могло им помочь.

С окончанием военных действий в Италии, можно было подумать о посылке новой армии на Восток в подкрепление слабых наличных сил, которые не могли удержать Митридата, уже готового переправиться на Балканский полуостров. Дело шло главным образом об отвоевании Азии, этого золотого дна римских откупщиков, негоциаторов и ростовщиков, сама война считалась очень выгодной в смысле добычи. Всадники были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы был послан главнокомандующим их человек, Марий. У Мария были связи на Востоке: в 90-х годах он вел переговоры с Митридатом. Но большинство нобилитета желало вернуть администрацию Востока в свои руки; поэтому сенат выставил своего кандидата, Суллу, давнишнего соперника Мария. Сулле было поручено вести войну, и он собрался ехать к армии. Судя по последующему поведению Суллы, он выступал решительным врагом администрации всадников, и наоборот, был расположен к бюрократии нобилей. Было ясно, что публиканам не вернуть при его команде прежнего положения в Азии, которое им досталось за 34 года до того. В случае успеха Суллы должно было измениться и внутреннее положение. Нобилитет, уже начавший спланиваться около Друза, мог найти в Сулле опору для проведения реформы, которая лишила бы всадников политического влияния в центре. Им оставалось только соединиться против этой новой опасности со своими вчерашними врагами, с бывшими италиками, ныне новыми гражданами Рима. Так можно объяснить необычайно резкий поворот политики денежных людей в 88 г.

Представитель новой коалиции оппозиционных партий, трибун Сулпиций, внес в народное собрание одно за другим два предложения, между которыми не было никакой внутренней связи; они зато ясно показывали интересы двух случайно и неестественно связанных

союзников. В силу первого предлагалось распределить новых граждан одинаково по всем трибам, т. е. дать им перевес в комициях, так как числом они значительно преобладали. Когда избирательный закон был проведен, и новые граждане вошли в прежние трибы, Сульпиций предложил соединенной демократии отнять у Суллы начальство и назначить Мария главнокомандующим в Азию.

Очень любопытно поведение сулланского войска, той первой римской армии, которая опрокинула гражданский порядок, не остановившись перед величием верховного народа. Корпоративный дух сделал большие успехи в новом войске, вышедшем из преобразований Мария. Солдаты привыкли обсуждать общие дела на своих сходках, у них образовалась своя парламентская жизнь. Сулла, узнав о постановлении народа, сместившем его, собирает в лагере общую сходку. Он выступает сам оратором, объясняет положение и как бы спрашивает у солдат совета и поддержки. Сходка подсказывает ему и требует, чтобы генерал вел их против Рима. Все офицеры отказывают в повиновении, но это не смущает солдат; они ведут переговоры непосредственно со своим главноначальником и настойчиво проводят совместно с ним решение. Их виды и расчеты совершенно ясны: в перспективе выгодная война, большая добыча и крупные награды. Сулла нашел уже сконцентрированную под Нолой армию, это войско не пришлось набирать специально для Азии; оно было готово, потому что участвовало в войне против италиков, и ему, вероятно, уже раньше, при наборе и сформировке, были даны определенные обещания, как марианцам в 105 г. Вопрос о том, кто будет главнокомандующим, имел для них самое существенное значение: Марий распустил бы их по домам и набрал других. Это не бывшие марианские солдаты Северной войны; это — легионы, сформированные для подавления италийского восстания, для экзекуций над независимыми горцами. Понятно их позднейшее столкновение с самнитами и луканами, когда Сулла вернулся в 83 г. с Востока; опять встретились те же противники, продолжая борьбу, происходившую в 90–88 гг., еще раз Рим против Италии, но Рим, снова черпнувший восточных богатств.

В 88 г. Сулла и его войско, по взятии Рима, не ограничиваются только избиением и изгнанием своих противников, Мария, Сульпиция и других, и кассацией народного решения о передаче команды на Востоке. Победители проводят преобразование конституции в реакционном духе. Этот полупереворот 88 г. не имел прямой связи с тем, чего в данную минуту добивался Сулла; тотчас же после конституционной реформы Сулла отправился на Восток и покинул политическое создание на произвол судьбы. Все это показывает, что Сулла взялся здесь устроить чужие интересы. Мало интересуюсь конституционными вопросами, озабоченный только тем, чтобы вырвать у противников Восточную войну, главнокомандующий вошел в союз с известными партиями, ради которых и совершил государственный переворот. Какие же это были партии, какие общественные слои в свою очередь искали опоры в мятежном войске и в генерале, поднявшем оружие против республики? На противоположной стороне была денежная аристократия, ее clientela, римский плебс и новые граждане. Эти группы плохо ладили между собою, но все они стояли на почве демократического строя, который вырабатывался со времени Гракхов. Напротив, большинство нобилитета желало опрокинуть или существенно реформировать этот политический порядок, причем побуждения были так же различны, как и элементы, на которые распадалась старая родовая аристократия.

Крупные владельческие слои, обладатели земельных латифундий, конкуренты на большие политические должности руководились иными политическими соображениями, чем остальная масса средних и мелкоместных или совсем лишенных земли дворян. Среди первых преимущественно рекрутировались сторонники Ливия Друза, которые, путем известных уступок различным классам гражданства, предполагали вернуть сенату политическое

руководство, сократить компетенцию народных собраний и сломить финансовую роль всадников.

Сравнительно с этими умеренно-консервативными реформистами массу среднего и мелкого нобилитета можно назвать реакционерами. В глазах задолжавших землевладельцев или столичных искателей должностей и службы, которых, в свою очередь, отодвигало в сторону финансовое управление откупщиков, лучшим выходом казался насильственный переворот, провозглашение банкротства и кассации долгов, может быть, даже им рисовалась в перспективе конфискация имущества у самих кредиторов, разбогатевших на управлении империей. Но подробного переворота невозможно было ждать от народного собрания и его руководителей. Такого рода темы нельзя было обсуждать на публичных митингах, созывавшихся трибунами. Поэтому масса мелкого и разоренного нобилитета становится в ряды ожесточенных врагов демократии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.